

30 октября 2007 № 74 спецвыпуск

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

Семьдесят лет назад по решению высших партийных органов в СССР развернулась очередная кровавая «чистка», длившаяся почти два года. В исторической публицистике эта репрессивная кампания нередко именуется «Большим террором»; в народе же ее называют просто — Тридцать Седьмой.

Коммунистическая диктатура всегда — и до, и после 1937 года — сопровождалась политическими репрессиями. Однако именно Тридцать Седьмой стал в памяти людей зловещим символом системы массовых убийств, организуемых и проводимых государственной властью. По-видимому, это случилось из-за того, что «Большому террору» были присущи некоторые из ряда вон выходящие черты, предопределившие его особое место в истории и то огромное влияние, которое он оказал — и продолжает оказывать — на судьбы нашей страны.

Тридцать Седьмой — это гигантский масштаб репрессий, охвативших все регионы и все без исключения слои общества, от высшего руководства страны до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 1937–1938 годов по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 миллиона человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных переваливает за два миллиона.

Это невероятная жестокость приговоров: более 700 тысяч арестованных были казнены.

Это беспрецедентная плановость террористических «спецопераций». Вся кампания была тщательно продумана заранее высшим политическим руководством СССР и проходила под его постоянным контролем. В секретных приказах НКВД определялись сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежащие «чистке», а также «лимиты» — плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону. Любые изменения, любые «инициативы снизу» должны были согласовываться с Москвой и получать ее одобрение.

Но для основной массы населения, незнакомой с содержанием приказов, логика арестов казалась

загадочной и необъяснимой, не вяжущейся со здравым смыслом. В глазах современников «Большой террор» выглядел гигантской лотереей. Почти мистическая непостижимость происходящего наводила особенный ужас и порождала у миллионов людей неуверенность в собственной судьбе.

увеличивала панику и усугубляла массовый психоз. Впоследствии родился даже миф о том, что «Большой террор» будто бы был направлен исключительно против старых большевиков и партийно-государственной верхушки. На самом деле подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были про-

категории населения, указанной в одном из «оперативных приказов» НКВД, или связями — служебными, родственными, дружескими — с людьми, арестованными ранее. Формулирование индивидуальной «вины» было заботой следователей. Поэтому сотням и сотням тысяч арестованных предъявлялись фантастические обвинения в «контрреволюционных заговорах», «шпионаже», «подготовке к террористическим актам», «диверсиях» и т.п.

Тридцать Седьмой — это возрождение в XX веке норм средневекового инквизиционного процесса, со всей его традиционной атрибутикой: заочностью (в подавляющем большинстве случаев) квазисудебной процедуры, отсутствием защиты, фактическим объединением в рамках одного ведомства ролей следователя, обвинителя, судьи и палача. Вновь, как во времена инквизиции, главным доказательством стало ритуальное «признание своей вины» самим подсудимым. Стремление добиться такого признания в сочетании с произвольностью и фантастичностью обвинений привели к массовому применению пыток; летом 1937-го пытки были официально санкционированы и рекомендованы как метод ведения следствия.

Тридцать Седьмой — это чрезвычайный и закрытый характер судопроизводства. Это тайна, окутавшая отправление «правосудия», это непроницаемая секретность вокруг расстрельных полигонов и мест захоронений казненных. Это систематическая многолетняя официальная ложь о судьбах расстрелянных: сначала — о мифических «лагерях без права переписки», затем — о кончине, наступившей будто бы от болезни, с указанием фальшивых даты и места смерти.

Тридцать Седьмой — это круговая порука, которой сталинское руководство старалось повязать весь народ. По всей стране проходили собрания, на которых людей заставляли бурно аплодировать публичной лжи о разоблаченных и обезвреженных «врагах народа». Детей вынуждали отречься от арестованных родителей, жен — от мужей.

(Продолжение на с. 2) ➤

1937 ГОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

ТЕЗИСЫ «МЕМОРИАЛА»

Репрессии основательно затронули, в частности, представителей новых советских элит: политической, военной, хозяйственной. Расправа с людьми, имена которых были известны всей стране (именно о них в первую очередь сообщали газеты) и в лояльности которых не было никаких причин сомневаться,

стыми советскими гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежавшими.

Тридцать Седьмой — это неизвестные мировой истории масштабы фальсификации обвинений. В 1937–1938-м вероятность ареста определялась, главным образом, принадлежностью к какой-либо

В НОМЕРЕ:

1937 год и современность с. 1–2

«Большой террор»: краткая хроника

с. 1, 3–7

Судьбы 1937 года с. 8–10

Еще один «расстрельный» адрес в Москве

с. 11–12

«Мемориал»: нужно изменить законы

с. 12

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР»: 1937–1938

КРАТКАЯ ХРОНИКА

События «Большого террора» только в небольшой части выходили на поверхность общественной жизни: в советской печати появлялась информация лишь о больших и — на местном уровне — о малых показательных процессах, сопровождавшихся погромной пропагандой. Личный опыт человека, попавшего в жернова репрессий, также не мог раскрыть общей картины происходящего. Тем самым, масштаб, структура и механизмы репрессий оставались скрытыми как для большинства современников (за исключением, разумеется, «авторов» и главных исполнителей террора), так и для нескольких поколений историков.

Сейчас совокупность доступных источников дает возможность взглянуть чертеж «Большого террора» более или менее отчетливо. Однако в данной хронике мы не стремились представить этот чертеж как связанное целое, — наша задача была значительно скромнее: дать представление о последовательности репрессивных событий, сопроводив главные из них минимальным комментарием. Хроника базируется преимущественно на документах ЦК ВКП(б) и НКВД СССР — прежде всего на директивах, регламентировавших динамику репрессий, их идеологические, количественные и процессуальные параметры. Персональ-

ный аспект репрессий мы не подчеркивали совершенно сознательно: у каждой семьи, у каждого сообщества — своя хроника трагических дат, свой мартиролог, и не наше дело решать, кто из сотен тысяч невинных жертв заслуживает, а кто не заслуживает упоминания (мы упоминаем лишь имена «архитекторов» террора, а также фигурантов «показательных процессов» — акций, которые имели явное политическое значение и играли роль символического устрашения).

Здесь же, видимо, следует отметить, что ход репрессий в описываемый период не был равномерен — эпоху «Большого террора» самым грубым образом можно разделить на четыре периода:

- ♦ октябрь 1936–февраль 1937 (перестройка карательных органов, установка на чистку партийной, военной и административной элиты от потенциально оппозиционных элементов в условиях угрозы «империалистической агрессии»);
- ♦ март 1937–июнь 1937 (декретирование тотальной борьбы с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок», продолжение чистки элиты, планирование и разработка массовых репрессивных операций против «социальной базы» потенциальных агрессоров — кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т.п.);
- ♦ июль 1937–октябрь 1938 (декретирование и реализация массовых репрессивных операций — «кулацкой», «национальных», против

ЧСИР; интенсификация борьбы с «военно-фашистским заговором» в РККА, с «вредительством» в сельском хозяйстве и др. отраслях);

- ♦ ноябрь 1938–1939 (так называемая «бериевская оттепель»: прекращение массовых операций, упразднение большинства чрезвычайных механизмов внесудебной расправы, частичное освобождение арестованных, ротация и уничтожение «ежовских» кадров в НКВД).

В данной хронике, в связи с характером публикации, приведено не слишком много фоновых событий, раскрывающих политический и социальный контекст репрессий. Надеемся, что в будущем мы сможем дополнить и детализировать эту краткую историческую канву.

(Продолжение на с. 3) ➤

«(Начало на с. 1)

Это миллионы разбитых семей. Это зловещая аббревиатура «ЧСИР» — «член семьи именика Родины», которая сама по себе являлась приговором к заключению в специальные лагеря для двадцати тысяч вдов, чьи мужья были казнены по решению Военной коллегии Верховного суда. Это сотни тысяч «сирот Тридцать Седьмого» — людей с украленным детством и изломанной юностью.

Это окончательная девальвация ценности человеческой жизни и свободы. Это культ чезизма, романтизация насилия, обожествление идола государства. Это эпоха полного смещения в народном сознании всех правовых понятий.

Наконец, Тридцать Седьмой — это фантастическое сочетание вакханалии террора с безудержной пропагандистской кампанией, восхваляющей самую совершенную в мире советскую демократию, самую демократическую в мире советскую Конституцию, великие свершения и трудовые подвиги советского народа. Именно в 1937 году окончательно сформировалась характерная черта советского общества — **двоемыслие**, следствие раздвоения реальности, навязанного пропагандой общественному и индивидуальному сознанию.

***

И сейчас, семьдесят лет спустя, в стереотипах общественной жизни и государственной политики России и других стран, возникших на развалинах СССР, явственно различимо пагубное влияние как самой катастрофы 1937–1938 годов, так и всей той системы государственного насилия, символом и квинтэссенцией которого стали эти годы. Эта катастрофа вошла в массовое и индивидуальное подсознание, покарчила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще от Российской империи, породила новые опасные комплексы.

Оущение ничтожности человеческой жизни и свободы перед истуканом Власти — это непреодоленный опыт «Большого террора».

Привычка к «управляемому правосудию», правоохранительные органы, подчиняющие свою деятельность не нормам закона, а велениям начальства, — это очевидное наследие «Большого террора».

Имитация демократического процесса при одновременном выхолащивании основных демократических институтов и открытым пренебрежением правами и свободами человека, нарушения Конституции, совершаемые под аккомпанемент клатя в неизбывной верности конституционному порядку, — это общественная модель, которая впервые была успешно опробована именно в период «Большого террора».

Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к независимой общественной активности, непрекращающиеся попытки поставить ее под жесткий государственный контроль — это тоже итог «Большого террора», когда большевистский режим поставил последнюю точку в многолетней истории своей борьбы с гражданским обществом. К 1937 году все коллективные формы общественной жизни в СССР — культурной, научной, религиозной, социальной и т.п., не говоря уже о политической, — были ликвидированы или подменены имитациями, муляжами; после этого людей можно было уничтожать поодиночке, заодно искореняя из общественного сознания представления о независимости, гражданской ответственности и человеческой солидарности.

Воскрешение в современной российской политике старой концепции «враждебного окружения» — идеологической базы и пропагандистского обеспечения «Большого террора», подозрительность и враждебность ко всему зарубежному, истериче-

ский поиск «врагов» за рубежом и «пятай колонны» внутри страны и другие сталинские идеологические шаблоны, обретающие второе рождение в новом политическом контексте, — все это свидетельства непреодоленного наследия Тридцать Седьмого в нашей политической и общественной жизни.

Легкость, с которой в нашем обществе возникают и расцветают **национализм и ксенофобия**, несомненно унаследована нами в том изложении, с которым оно морально ущерб-

1937 ГОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

числе и от «национальных спецопераций» 1937–1938 годов, и от депортаций в годы войны целых народов, обвиненных в предательстве, и от «борьбы с космополитизмом», «дела врачей» и сопутствующих всему этому пропагандистских кампаний.

Интеллектуальный конформизм, боязнь всякой «инаковости», отсутствие привычки к свободному и независимому мышлению, податливость ко лжи — это во многом результат «Большого террора».

Безудержный цинизм — оборотная сторона двоемыслия, волящая лагерная мораль («умри ты сегодня, а я завтра»), утрата традиционных семейных ценностей — и этими нашими бедами мы в большой мере обязаны школе «Большого террора», школе ГУЛАга.

Катастрофическая разобщенность людей, сталдность, подменившая коллективизм, острый дефицит человеческой солидарности, — все это результат репрессий, депортаций, насильственных переселений, результат «Большого террора», целью которого ведь и было раздробление общества на атомы, превращение народа в «население», в толпу, которой легко и просто управлять.

***

Разумеется, сегодня наследие «Большого террора» не воплощается и вряд ли может воплотиться в массовые аресты — мы живем в совершенно другую эпоху. Но это наследие, не осмысленное обществом и, стало быть, не преодоленное им, легко может стать «скелетом в шкафу», проклятием нынешнего и будущих поколений, прорывающихся наружу до государственной манией величия, то вспыхивая шпиономании, то рецидивами репрессивной политики.

Что требуется сделать для осмысления и преодоления разрушительного опыта Тридцать Седьмого?

Последние полтора десятилетия показали, что **необходимо публичное рассмотрение политического террора советского периода с правовых позиций**. Террористической политике в тогдашних руководителях страны, и прежде всего генерального идеолога и верховного организатора террора — Иосифа Сталина, конкретным преступлениям, ими совершенным, необходимо дать ясную юридическую оценку. Только такая оценка может стать точкой отсчета, краеугольным камнем правового и исторического сознания, фундаментом для дальнейшей работы с прошлым. В противном случае отношение общества к событиям эпохи террора неизбежно будет колебаться в зависимости от изменений политической конъюнктуры, а призывы сталинизма — периодические воскресать и оборачиваться по бостями диктатора на улицах наших городов, то рецидивами сталинской политической практики в нашей жизни.

Вероятно, для проведения полноценного разбирательства следовало бы создать специальный судебный орган — указывать на прецеденты в мировой юридической практике и излишне.

К сожалению, пока что налицо противоположная тенденция: в 2005-м Государственная Дума Российской Федерации исключила из преамбулы Закона о реабилитации 1991 года единственное в российском законодательстве упоминание о «моральном ущербе», причиненном жертвам террора. Нет нужды вдаваться в нравственную и политическую оценку этого шага — она очевидна. Необходимо просто вернуть слова о моральном ущербе

в текст Закона. Это надо сделать не только во имя памяти погибших, но и ради самоуважения. Это надо сделать и для того, чтобы заглянуть в оскорбление, нанесенное нескольким десяткам тысяч глубоким старикам — выжившим узникам ГУЛАга, и сотням тысяч родственников жертв террора.

Однако правовая оценка террора — это важный, но недостаточный шаг. Необходимо обеспечить благоприятные условия для продолжения и расширения исследовательской работы по истории государственно-го террора в СССР. Для этого нужно, прежде всего, **снять** все ныне действующие искусственные и необоснованные ограничения доступа к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями.

Необходимо сделать современное историческое знание об эпохе террора общим достоянием: создать, наконец, **школьные и вузовские учебники истории**, в которых тем политическим репрессий, и в частности «Большому террору», было бы уделено место, соответствующее их историческому значению. История советского террора должна стать не только обязательной и значительной частью школьного образования, но и объектом серьезных усилий в области народного просвещения в самом широком смысле слова. Необходимы просветительские и культурные программы, посвященные этой теме, на **государственных каналах телевидения**, необходима **государственная поддержка издательским проектам** по выпуску научной, просветительской, меамурной литературы, посвященной эпохе террора.

Необходимо создать **общенациональный Музей истории государственного террора**, соответствующий по своему статусу и уровню масштабам трагедии, и сделать его методическим и научным центром музейной работы по этой теме. История террора и ГУЛАга должна быть представлена во всех **исторических и краеведческих музеях** страны, так, как это делается, например, в отношении другой грандиозной исторической трагедии — Великой Отечественной войны.

Необходимо, наконец, воздвигнуть в Москве **общенациональный памятник погибшим**, который был бы поставлен государством и от имени государства. Такой памятник нам обещают вот уже 45 лет; пора бы и выполнить обещание. Но этого мало; надо, чтобы памятники жертвам террора встали по всей стране. К сожалению, во многих городах дело увековечения памяти жертв до сих пор не вышло далеко за пределы закладных камней, установленных 15–18 лет назад.

В стране должны появиться **памятные знаки и мемориальные доски**, которые отмечали бы места, связанные с инфраструктурой террора: сохранившиеся здания следственных и пересыльных тюрем, политизоляторов, управлений НКВД и ГУЛАга и т.п. Памятные знаки, указатели и информационные щиты следует установить также в местах дислокации больших

лагерных комплексов, на предприятиях, созданных трудом узников, на дорогах, ведущих к сохранившимся руинам лагерных зон.

Необходимо убрать из названий улиц и площадей, да и из названий населенных пунктов, имена государственных деятелей — организаторов и активных участников террора. **Топонимика не может больше оставаться зоной увековечения памяти преступников.**

Необходима государственная программа подготовки и издания во всех субъектах Российской Федерации **Книг памяти жертв политических репрессий**. Сейчас такие Книги памяти выпущены только в части регионов России. По приблизительным подсчетам, совокупный список имен, перечисленных в этих книгах, охватывает на сегодняшний день не более 20% от общего числа людей, подвергшихся политическим репрессиям.

Срочно необходимо разработать и осуществить общероссийскую или даже межгосударственную **программу поиска и мемориализации мест захоронений жертв террора**. Это проблема не только образовательная и просветительская, сколько нравственная. На территории бывшего СССР — многие сотни расстрельных рвов и братских могил, где тайно закапывали казенных, тысячи лагерных и спецпоселенческих кладбищ, разрушенных, полуразрушенных и таких, от которых остались лишь следы; от тысяч кладбищ уже и следов не осталось.

Все это способствовало бы восстановлению памяти об одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века и помогло бы выработать устойчивый иммунитет к тоталитарным стереотипам.

Сказанное выше относится, в первую очередь, к России — правопреемнику СССР, самой большой из бывших советских республик, стране, в столице которой располагался центр разработки и запуска террористических кампаний, управления механизмами террора, на территории которой находилась основная часть империи ГУЛАГа.

Однако очень многое из того, что должно быть сделано, должно делаться на всем пространстве бывшего СССР, лучше всего — совместными усилиями наших стран. История террора понимается и трактуется в сегодняшних постсоветских государствах по-разному. Это естественно. Но принципиально важно, чтобы из этой разности возник диалог. Диалог национальных памятней — важная и необходимая часть осмысления исторической правды; плохо лишь, когда он превращается в перебранку, в попытку снять историческую (и, стало быть, гражданскую) ответственность с себя и переложить ее на «другого». К сожалению, очень часто именно история советского террора становится инструментом сиюминутных межгосударственных политических разборок, а честная совместная работа с общим прошлым подменяется выставлением перечней взаимных обид, счетов и претензий.

Поэтому развернутая **комплексная программа**, посвященная трагическому опыту прошлого, должна быть, скорее всего, **международной и межгосударственной**. Это касается и исторических исследований, и выпуска Книг памяти, и мемориализации мест захоронений, и много другого — может быть, даже и подготовки школьных учебников. Память о терроре — это общая память наших народов. Эта память не разъединяет, а объединяет нас — еще и потому, что это ведь не только память о преступлениях, но и память о совместном противостоянии нашей машине убийств, память об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

Конечно, память о прошлом формируется не Указами и постановлениями правительств. Судьбы исто-

рической памяти могут определиться лишь в широкой общественной дискуссии. Чем дальше, тем более очевидной становится острая необходимость в такой дискуссии.

В осмыслении «Большого террора» и, шире, всего опыта советской истории нуждается не только Россия и не только страны, входившие в СССР или в состав «социалистического лагеря». В таком обсуждении нуждается все страны и народы, все человечество, ибо события «Большого террора» наложили отпечаток не только на советскую, но и на всемирную историю. Гулаг, Колыма, Тридцать Седьмой — такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима. Они выходят за пределы исторической судьбы СССР или России и становятся свидетельством хрупкости и неустойчивости человеческой цивилизации, относительности завоеваний прогресса, предупреждением о возможности будущих катастрофических рецидивов варварства. Поэтому дискуссия о «Большом терроре» должна также выйти за рамки национальной проблематики; подобно некоторым из названных выше гуманитарных катастроф, она должна стать предметом общечеловеческой рефлексии. Но инициатором и средоточием этой дискуссии обязана стать, разумеется, общественная мысль в странах, которые входили в состав СССР, в первую очередь — в России.

К сожалению, именно в России готовность общества узнать и принять правду о своей истории, казавшаяся в конце 1980-х достаточно высокой, сменилась в 1990-е безразличием, апатией и нежеланием «копаться в прошлом». Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы никакие дискуссии на эти темы больше не было. И в общественном сознании, и в государственной политике усиливаются тенденции, отнюдь не способствующие свободному и прямому разговору о нашей недавней истории. Эти тенденции нашли свое выражение в официальной, хотя и не всегда четко формулируемой, концепции отечественной истории исключительно как «нашего славного прошлого».

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, «подорывает морально-политическое единство советского народа»).

Нам говорят, что эта память наносит ущерб процессу национального возрождения.

Нам говорят, что мы должны помнить, в первую очередь, о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Нам говорят, что народ не хочет иной памяти, отвергает ее. И в самом деле, значительной части наших сограждан легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть на свою трагическую историю и осмыслить ее во имя будущего. Мы понимаем, почему это так: честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений огромную и непривычную тяжесть исторической и гражданской ответственности. Но мы уверены: **без принятия на себя этого, в самом деле — тяжелой груза ответственности за прошлое у нас не будет никакой национальной консолидации и никакого возрождения.**

В канун одной из самых страшных годовщин нашей общей истории «Мемориал» призывает всех, кому дорого будущее наших стран и народов, пристально взглянуть в прошлое и постараться понять его уроки.

9 марта

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». Декларируется, что в СССР «скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств», в связи с этим ужесточается процедура получения разрешений на въезд в СССР зарубежным коммунистам, закрываются «пере-

правы» («окна на границе») Коминтерна, производится полный перечень политэмигрантов, создается комиссия (под председательством секретаря ЦК Н.И.Ежова) для «очистки от шпионских и антисоветских элементов» аппаратов Профинтерна, МОПРа (Международная организация помощи борцам революции) и других международных организаций на территории СССР.

25 марта

Нарком внутренних дел СССР Г.Г.Ягода вносит предложение в Политбюро ЦК ВКП(б) «всех троцкистов, находившихся в ссылке и ведущих активную работу, арестовать и отправить в дальние лагеря, троцкистов, исключенных из ВКП(б) при последней проверке партийных документов, изъять и решением Особого совещания при НКВД направить в дальние лагеря сроком на 5 лет», а «уличенных в причастности к террору» расстрелять. 31 марта свой положительный отзыв на записку Ягоды представляет Прокурор СССР А.Я.Вышинский.

28 апреля

Постановление СНК СССР «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской обл. Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств». Мотивация принудительного переселения: очистка приграничных районов от неблагонадежных элементов. Всего было переселено 69 283 человека.

19 июня

Нарком внутренних дел СССР Ягода и Прокурор СССР Вышинский представили в Политбюро ЦК ВКП(б) список 82 «участников контрреволюционной троцкистской организации, причастных к террору», с предложением привлечь их к суду. В списке — Зиновьев, Каменев и др.

29 июня

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (обвинения в убийстве Кирова, подготовке покушений на членов Политбюро; подается связь троцкистских агентов с гестапо), резкое усиление широкой пропагандистской кампании против бывших троцкистов.

19–24 августа

В Москве проходит открытый судебный процесс (заседание Воен-

ного суда СССР) по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Председатель суда В.В.Ульрих, гос. обвинитель А.Я.Вышинский. Обвиняемые: Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, Г.Е.Евдокимов, И.Н.Смирнов, С.В.Мрачковский и др. Среди обвинений: убийство С.М.Кирова, подготовки покушений на Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе. Все 16 обвиняемых приговорены к высшей мере социальной защиты и расстреляны 25.08.1936. В

осмыслении «Большого террора» и, шире, всего опыта советской истории нуждается не только Россия и не только страны, входившие в СССР или в состав «социалистического лагеря». В таком обсуждении нуждается все страны и народы, все человечество, ибо события «Большого террора» наложили отпечаток не только на советскую, но и на всемирную историю. Гулаг, Колыма, Тридцать Седьмой — такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима. Они выходят за пределы исторической судьбы СССР или России и становятся свидетельством хрупкости и неустойчивости человеческой цивилизации, относительности завоеваний прогресса, предупреждением о возможности будущих катастрофических рецидивов варварства. Поэтому дискуссия о «Большом терроре» должна также выйти за рамки национальной проблематики; подобно некоторым из названных выше гуманитарных катастроф, она должна стать предметом общечеловеческой рефлексии. Но инициатором и средоточием этой дискуссии обязана стать, разумеется, общественная мысль в странах, которые входили в состав СССР, в первую очередь — в России.

К сожалению, именно в России готовность общества узнать и принять правду о своей истории, казавшаяся в конце 1980-х достаточно высокой, сменилась в 1990-е безразличием, апатией и нежеланием «копаться в прошлом». Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы никакие дискуссии на эти темы больше не было. И в общественном сознании, и в государственной политике усиливаются тенденции, отнюдь не способствующие свободному и прямому разговору о нашей недавней истории. Эти тенденции нашли свое выражение в официальной, хотя и не всегда четко формулируемой, концепции отечественной истории исключительно как «нашего славного прошлого».

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, «подорывает морально-политическое единство советского народа»).

Нам говорят, что эта память наносит ущерб процессу национального возрождения.

Нам говорят, что мы должны помнить, в первую очередь, о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Нам говорят, что народ не хочет иной памяти, отвергает ее. И в самом деле, значительной части наших сограждан легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть на свою трагическую историю и осмыслить ее во имя будущего. Мы понимаем, почему это так: честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений огромную и непривычную тяжесть исторической и гражданской ответственности. Но мы уверены: **без принятия на себя этого, в самом деле — тяжелой груза ответственности за прошлое у нас не будет никакой национальной консолидации и никакого возрождения.**

В канун одной из самых страшных годовщин нашей общей истории «Мемориал» призывает всех, кому дорого будущее наших стран и народов, пристально взглянуть в прошлое и постараться понять его уроки.

9 марта

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». Декларируется, что в СССР «скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств», в связи с этим ужесточается процедура получения разрешений на въезд в СССР зарубежным коммунистам, закрываются «пере-

правы» («окна на границе») Коминтерна, производится полный перечень политэмигрантов, создается комиссия (под председательством секретаря ЦК Н.И.Ежова) для «очистки от шпионских и антисоветских элементов» аппаратов Профинтерна, МОПРа (Международная организация помощи борцам революции) и других международных организаций на территории СССР.

25 марта

Нарком внутренних дел СССР Г.Г.Ягода вносит предложение в Политбюро ЦК ВКП(б) «всех троцкистов, находившихся в ссылке и ведущих активную работу, арестовать и отправить в дальние лагеря, троцкистов, исключенных из ВКП(б) при последней проверке партийных документов, изъять и решением Особого совещания при НКВД направить в дальние лагеря сроком на 5 лет», а «уличенных в причастности к террору» расстрелять. 31 марта свой положительный отзыв на записку Ягоды представляет Прокурор СССР А.Я.Вышинский.

28 апреля

Постановление СНК СССР «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской обл. Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств». Мотивация принудительного переселения: очистка приграничных районов от неблагонадежных элементов. Всего было переселено 69 283 человека.

19 июня

Нарком внутренних дел СССР Ягода и Прокурор СССР Вышинский представили в Политбюро ЦК ВКП(б) список 82 «участников контрреволюционной троцкистской организации, причастных к террору», с предложением привлечь их к суду. В списке — Зиновьев, Каменев и др.

29 июня

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (обвинения в убийстве Кирова, подготовке покушений на членов Политбюро; подается связь троцкистских агентов с гестапо), резкое усиление широкой пропагандистской кампании против бывших троцкистов.

19–24 августа

В Москве проходит открытый судебный процесс (заседание Воен-

1936 год

9 марта

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». Декларируется, что в СССР «скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств», в связи с этим ужесточается процедура получения разрешений на въезд в СССР зарубежным коммунистам, закрываются «пере-

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР»: 1937–1938

основные события, предвещающие разворот репрессий в 1937–1938 гг.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». Декларируется, что в СССР «скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств», в связи с этим ужесточается процедура получения разрешений на въезд в СССР зарубежным коммунистам, закрываются «пере-

правы» («окна на границе») Коминтерна, производится полный перечень политэмигрантов, создается комиссия (под председательством секретаря ЦК Н.И.Ежова) для «очистки от шпионских и антисоветских элементов» аппаратов Профинтерна, МОПРа (Международная организация помощи борцам революции) и других международных организаций на территории СССР.

25 марта

Нарком внутренних дел СССР Г.Г.Ягода вносит предложение в Политбюро ЦК ВКП(б) «всех троцкистов, находившихся в ссылке и ведущих активную работу, арестовать и отправить в дальние лагеря, троцкистов, исключенных из ВКП(б) при последней проверке партийных документов, изъять и решением Особого совещания при НКВД направить в дальние лагеря сроком на 5 лет», а «уличенных в причастности к террору» расстрелять. 31 марта свой положительный отзыв на записку Ягоды представляет Прокурор СССР А.Я.Вышинский.

28 апреля

Постановление СНК СССР «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской обл. Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств». Мотивация принудительного переселения: очистка приграничных районов от неблагонадежных элементов. Всего было переселено 69 283 человека.

19 июня

Нарком внутренних дел СССР Ягода и Прокурор СССР Вышинский представили в Политбюро ЦК ВКП(б) список 82 «участников контрреволюционной троцкистской организации, причастных к террору», с предложением привлечь их к суду. В списке — Зиновьев, Каменев и др.

29 июня

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (обвинения в убийстве Кирова, подготовке покушений на членов Политбюро; подается связь троцкистских агентов с гестапо), резкое усиление широкой пропагандистской кампании против бывших троцкистов.

19 сентября

Политбюро принимает Постановление ЦК ВКП(б) «Об отношении к контрреволюционному троцкистско-зиновьевскому элементу», в котором содержится важная идеологическая новация: «а) до последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовую политический и организационный отряд международной буржуазии. По-

следние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе». Из этой предпосылки делается вывод: «б) в связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только подследственных <...>, дела которых еще не закончены, но и тех, которые раньше были высланы».

4 октября

Политбюро рассматривает просьбу Ежова и Вышинского санкционировать осуждение 585 человек по списку и принимает («просом») постановление: «Согласиться с предложением т.т. Ежова и Вышинского о мерах судебной расправы с

активными участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек» (создание прецедента списочных осуждений).

19–22 октября

В Новосибирске проходит «кемеровский процесс» по делу о взрыве 23.09.1936 на кузбасской шахте «Центральная». На суде «выяснилось», что диверсия организовала подпольная троцкистская группа в сговоре с инженерами из числа старых «спешов», что нити заговора тянулись в Москву. Все 9 подсудимых приговорены к расстрелу, ряд

активными участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек» (создание прецедента списочных осуждений).

19–22 октября

В Новосибирске проходит «кемеровский процесс» по делу о взрыве 23.09.1936 на кузбасской шахте «Центральная». На суде «выяснилось», что диверсия организовала подпольная троцкистская группа в сговоре с инженерами из числа старых «спешов», что нити заговора тянулись в Москву. Все 9 подсудимых приговорены к расстрелу, ряд

21 сентября

Политбюро рассматривает просьбу Ежова и Вышинского санкционировать осуждение 585 человек по списку и принимает («просом») постановление: «Согласиться с предложением т.т. Ежова и Вышинского о мерах судебной расправы с

активными участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек» (создание прецедента списочных осуждений).

19–22 октября

В Новосибирске проходит «кемеровский процесс» по делу о взрыве 23.09.1936 на кузбасской шахте «Центральная». На суде «выяснилось», что диверсия организовала подпольная троцкистская группа в сговоре с инженерами из числа старых «спешов», что нити заговора тянулись в Москву. Все 9 подсудимых приговорены к расстрелу, ряд

21 сентября

Политбюро рассматривает просьбу Ежова и Вышинского санкционировать осуждение 585 человек по списку и принимает («просом») постановление: «Согласиться с предложением т.т.

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР»: 1937–1938

[1 октября–5 ноября]

Директива НКВД, приказывающая «в ближайшие дни обеспечить оперативный разгром церковного и сектантского контрреволюционного актива, подвергнув аресту всех участников шпионских, повстанческих и террористических формирований, в том числе пытающихся вести подрывную работу в связи с выборами [в Верховный Совет СССР]».

3 ноября

Директива НКВД СССР о форсировании массовых операций («кулацкой», «национальных», против ЧСИР). Сроком их окончания определено 10 декабря 1937 года.

4 ноября

Директива ГУРКМ НКВД СССР о подготовке операции по преступным элементам среди кочующих цыган.

Циркуляр ГУГБ НКВД «О борьбе с диверсией на военных складах РККА».

22 ноября

Директива ГУГБ НКВД СССР об усилении работы по выявлению германских шпионско-диверсионных групп в энергетическом хозяйстве.

30 ноября

Директива НКВД СССР о проведении массовой репрессивной операции по линии «латвийского шпионажа». Операция проводилась в рамках «национальных операций». Репрессировались, в первую очередь, политэмигранты и перебежчики из Латвии, активисты латышских клубов и обществ (в т.ч. просветительских, латышских стрелков и др.) и т.д. По «латвийской линии» в течение 1937–1938 годов было осуждено 21 300 человек, из которых 16 575 приговорены к расстрелу.

11 декабря

Директива НКВД СССР о продолжении всех массовых операций («кулацкой» и «национальных») до 01.01.1938.

Директива НКВД СССР о проведении массовой репрессивной операции среди греков. Арестованные обвинялись в шпионаже и националистической деятельности. Операция проводилась в рамках и методами «национальных операций». Основному удару подверглись греческие колонии на Юге России, в Закавказье и в Крыму. По «греческой линии» в течение 1937–1938 годов было осуждено 12 557 человек, из которых 10 545 человек приговорены к расстрелу.

14 декабря

Директива НКВД СССР о репрессиях по «латвийской линии» (30.11) распространена на «перебежчиков финнов, эстонцев, литовцев, болгар». Фактически аресты по эстонской и финской «линиям» начались еще в сентябре. В 1937–38 годах по «эстонской линии» было осуждено 9735 чел., из них к расстрелу 7998 человек, по «финской линии» осуждено 11 066 человек, из них к расстрелу 9078 человек.

17 декабря

Директива НКВД о рассмотрении дел о побегах заключенных из лагерей на «тройках», о расстреле всех беглецов и об объявлении приговоров приказами по лагерям.

20 декабря

Торжественное заседание Московского актива в честь 20-летия ВЧК–НКВД в Большом театре. От

Политбюро с приветствием выступил А.И.Микоян («У нас каждый трудящийся — наркомвнуделец», «Славно поработал НКВД за это время» и т.п.). Ежов в юбилейном специальном приказе по НКВД заверил партию и Сталина, что «наркомвнудел будет наносить врагам советского народа еще более меткие, еще более сокрушительные удары».

22 декабря

Директива НКВД о репрессиях среди китайцев на Дальнем Востоке. Приказано немедленно арестовать всех китайцев, «проявляющих провокационные действия или террористические намерения».

26 декабря

Директива НКВД с требованием «решительности и беспощадности» в проведении «национальных операций». Указание проводить дополнительные аресты вне зависимости от объявленных сроков окончания операций.

1938 ГОД

7 января

Указание ГУГБ о контроле переписки военнослужащих: «За последнее время в адреса военнослужащих РККА идет значительное количество документов, принявших массовый характер, в которых сообщается о репрессиях (аресты, высылки и т.д.), применяемых к врагам народа. <...> Все воинские документы такого содержания задерживать и направлять в распоряжение 5 отделов УГБ».

9 января

Циркуляр НКВД об усилении массовых операций на транспорте («изъять весь оставшийся на транспорте кулацкий и антисоветский элемент»; «в полной мере выполнять требования приказов об операциях по полякам, немцам, харбинцам, латышам, финнам, румынам и др.»; «оставлять срок работы троек в первую очередь рассматривая дела по жел. дор. транспорту»).

11, 14, 18, 20 января

Пленум ЦК ВКП(б). Вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии» (докладчик Г.М.Маленков). Пленуму предшествовало решение Политбюро от 9 января, где роспуск П.П.Постышевым в Куйбышевской области 30 райкомов партии, руководство которых было объявлено врагами народа, был признан

«политически вредным» и «провокационным». Пленум постановил «решительно покончить с массовыми, огульными исключениями из партии». Постышев был выведен из кандидатов в члены Политбюро (вскоре арестован и расстрелян), на его место избран Н.С.Хрущев.

14 января

Директива НКВД СССР о продолжении работы «троек» до особого распоряжения.

14 января

Директива Прокурора СССР (в соответствии с решением Политбюро от 9 января) о фактах неправильного увольнения с работы родствен-

региональных органов НКВД, посвященное подведению итогов репрессивных кампаний 1937 года.

29 января

Директива НКВД СССР о проведении «иранской операции» на всей территории СССР. Аресту подлежали перебежчики и политэмигранты из Ирана, вожди племен, перешедшие в СССР из Ирана, руководители «реэмигрантских откочетов» и «религиозных сект», старосты иранских колоний, служащие «существовавших ранее фирм со смешанным англо-иранским капиталом» и др. Арестованные обвинялись в националистической, диверсионно-повстанческой и шпионской

11 февраля

Приказ НКВД СССР № 0051 с повторным (см. 11 августа 1937 г.) запрещением освобождать из лагерей осужденных «по признакам польского шпионажа» и перебежчиков из Польши, закончивших срок. За два месяца до освобождения предоставлять на них материалы в Особое совещание при НКВД.

14 февраля

Директива НКВД СССР об усилении работы по меньшевикам и анархистам. «Следствие по этим делам вести с задачей установления организационных связей <...> с правыми и троцкистами и иностранными разведками». Особое внимание приказано обратить на меньшевиков и анархистов, вступивших в ВКП(б).

16 февраля

Директива НКВД СССР о проведении массовой операции по «афганской линии». Аресту подлежали политэмигранты, перебежчики, старосты афганских колоний, руководители «религиозных сект» и «реэмигрантских откочетов», все лица, связанные с афганскими дипломатическими учреждениями, и т.д. Основные аресты были произведены в Туркменской и Узбекской ССР. Репрессивная кампания проводилась в рамках «национальных операций». Осуждено было 1557 человек, из них 366 — к расстрелу.

17 февраля

Постановление Политбюро о дополнительном лимите по «кулацкой операции» для Украины — 30 тысяч человек.

23 февраля

Директива НКВД СССР об использовании наклейки фото на паспортах для выявления лиц, подлежащих репрессии (фотокарточки на паспортах были введены 23.10.1937 Постановлением ЦК СССР и СНК СССР). В качестве примера для подражания фигурировала Белоруссия: «Специально проинструктив работниц милиции, проводивших наклеивку фотографий на паспорта и прикрепив работниц УГБ для конкретной помощи аппарату милиции, НКВД БССР только по 20 промпредприятий гор. Минска выявил скрывавшихся перебежчиков — 122, т.е. политэмигрантов — 17, лиц иностранного происхождения (немцев, румын, харбинцев и пр.) — 644».

2–13 марта

Третий открытый политический процесс в Москве по делу об «Антисоветском правотроцкистском блоке». Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Н.Н.Крестинский, Г.Х.Раковский, А.И.Икрамов, Г.Г.Ягода и другие обвинялись в убийстве С.М.Кирова, отравлении В.В.Куйбышева и М.Горького, заговоре против В.И.Ленина и И.В.Сталина, в организации промышленного саботажа, диверсий, в заговоре с целью расчленения СССР и т.д. Председатель суда В.В.Ульянов, гос. обвинитель А.Я.Вышинский. 17 обвиняемым вынесен смертный приговор (расстреляны 15 марта).

23 марта

Постановление Политбюро об очистке оборонной промышленности от тех «национальных контингентов», против которых проводятся репрессивные операции (поляки, латыши, греки и т.д.).

23 марта

Постановление Политбюро об очистке оборонной промышленности от тех «национальных контингентов», против которых проводятся репрессивные операции (поляки, латыши, греки и т.д.).

5 февраля

Открыта вторая очередь лесных лагерей ГУЛАГ НКВД СССР: Вятский, Красноярский, Онежский, Северо-Уральский, Унженский и Усольский ИТЛ.

8 апреля

Н.И.Ежов назначен по совместительству наркомом водного транспорта.

23 апреля

Директива ГУГБ НКВД с запрещением освобождения из ссылки заканчивающих срок «бывших людей», высланных из Ленинграда, Москвы и других городов (в основном после убийства Кирова). Требование прислать списки ссыльных «на предмет продления им срока ссылки».

24 апреля

Директива НКВД СССР об арестах лиц, подозреваемых в террористически-диверсионных намерениях, усилении агентурного наблюдения за родственниками репрессированных (прежде всего за детьми старше 15 лет) и охране партийных и советских руководителей в связи с первомайскими торжествами.

21 мая

Приказ НКВД СССР «О работе троек с объявлением инструкции тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах».

6–12 июля

Серия директив ГУГБ НКВД об усилении репрессий в Дальневосточном крае. Приказано «в 7-ми дневный срок подготовить массовую операцию по изъятию участников белогвардейского повстанческого подполья, бывших белых офицеров, бывших активных участников белых армий и различных антисоветских банд, <...> антисоветских элементов из бывших партизан, антисоветского актива, церковников и сектантов, всех шпионов и подозрительных по шпионажу немцев, поляков, корейцев, латышей, финнов, эстонцев, греков, иранцев, харбинцев». Для ускорения процедур осуждения Ежов дает разрешение командированному в ДВК Фриновскому рассматривать вместе с прокурором края «альбомы» по «национальным операциям», выносить приговоры на правах ОСО по делам об арестованных женах «врагов народа» и другому «антисоветскому элементу», инициирует работу в ДВК Высезной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР.

26 мая

Постановление Политбюро о продлении до 01.08.1938 прежнего («альбомного») порядка рассмотрения дел по всем «национальным операциям». 28.05 соответствующую директиву издает НКВД, приказывая сосредоточить усилия на чистке оборонной промышленности и транспорта.

4 июня

Директива ГУГБ НКВД Особым отделам об аварийности в воздушных силах РККА. «Аварии являются результатом деятельности неразоблаченных врагов», «впредь ни одной аварии без исчерпывающего агентурно-оперативного расследования не оставлять».

10 июня

Постановление Политбюро о том, что переселение китайцев с Дальнего Востока в Синьзян может быть только добровольным. Одновременно с этим предписывалось «арестованных китайцев, исключая осужденных и обвиняемых в шпионаже, активной диверсии и терроре, из-под стражи освободить и выслать в Синьзян, вместе с их семьями и имуществом. В дальнейшем массовые аресты китайцев прекратить».

13 июня

Бегство в Японию Г.С.Лущкова — нач. УНКВД по Дальне-Восточному краю. Отчасти вследствие этого в ДВК вскоре начинается новый виток репрессий.

16 июня

Циркуляр ГУГБ НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы на объектах угольной промышленности в связи с вскрытием право-троцкистских организаций в угольных бассейнах страны.

24 июня

Директива Наркомата Обороны об увольнении из армии военнотружеников «немцев, латышей, поляков, эстонцев, литовцев, финнов, румын, корейцев и других национальностей, не относящихся к народам СССР» (в первую очередь увольнению подлежали все родившиеся или проживавшие за границей, а также имеющие там родственников). Все уволенные проверялись органами безопасности, и многие из них подверглись репрессиям.

28 июня

Директива НКВД об учете и аресте участников так называемой «толмачевско-белорусской» оппозиции в РККА (открытая внутрипартийная оппозиция, возникшая в связи с введением единоначалия в РККА в 1927–1928 годах; в 1938 году была признана оппозицией истолковывалась как участие в «антисоветской троцкистской организации»).

6–12 июля

Серия директив ГУГБ НКВД об усилении репрессий в Дальневосточном крае. Приказано «в 7-ми дневный срок подготовить массовую операцию по изъятию участников белогвардейского повстанче-

ского подполья, бывших белых офицеров, бывших активных участников белых армий и различных антисоветских банд, <...> антисоветских элементов из бывших партизан, антисоветского актива, церковников и сектантов, всех шпионов и подозрительных по шпионажу немцев, поляков, корейцев, латышей, финнов, эстонцев, греков, иранцев, харбинцев». Для ускорения процедур осуждения Ежов дает разрешение командированному в ДВК Фриновскому рассматривать вместе с прокурором края «альбомы» по «национальным операциям», выносить приговоры на правах ОСО по делам об арестованных женах «врагов народа» и другому «антисоветскому элементу», инициирует работу в ДВК Высезной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР.

20 сентября

Постановление Политбюро об учете, проверке и утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников наркоматов внутренних дел, военно-морского флота, по иностранным делам, оборонной промышленности, а также ответственных работников комиссий партийного и советского контроля.

29 сентября

Директива НКВД СССР об укреплении режима в трудпоселках, которые «превратились в очаги контрреволюции». Приказано провести «необходимые мероприятия по разгрому контрреволюционного подполья в трудпоселках».

8 октября

Решение Политбюро о создании комиссии (Ежов, Вышинский, Берия и др.) для разработки проекта «постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (симптом близкого прекращения массовых операций).

14 ноября

Директива ЦК ВКП(б) об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД СССР. «В результате этой проверки органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманым путем проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия».

17 ноября

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (утверждено Политбюро 15 ноября). Прекращается деятельность всех чрезвычайных судебных органов, запрещается производство

27 августа

Циркуляр НКВД «О порядке регистрации односторонних разводов между супругами, из которых одна сторона находится в заключении» (разрешено одностороннее расторжение брака по желанию супруга, оставшегося на воле).

29 августа

Политбюро выделяет последний «лимит» по «кулацкой операции» — 3 тысячи человек для Читинской области. Срок исполнения — 1 ноября.

9–19 сентября

Публикация в «Правде» «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного под редакцией и при участии И.В.Сталина. 1 октября — издан отдельной книгой.

15 сентября

Постановление Политбюро о передаче «оставшихся нерассмотренных следственных дел на арестованных по к.-р. национальным контингентам» «на рассмотрение Особых троек на местах»; о предоставлении права особым тройкам выносить приговоры по 1-й и 2-й категориям, «а также возвращать дела на доследование и выносить решения об освобождении обвиняемых»; о приведении решений «особых троек по первой категории <...> в исполнение немедленно». В состав особых троек входят по должности нач. УНКВД, 1-й секретарь обкома/крайкома, прокурор. Персональный состав троек Политбюро не утверждало. Тройки рассматривают дела на арестованных до 1 августа 1938 года по «национальным линиям» и должны закончить свою работу в двухмесячный срок.

17 сентября

Приказ НКВД СССР № 00606 об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и других («национальные контингенты»). Рассмотрение дел на Особых тройках заменило «альбомный порядок», установленный в августе 1937 года.

20 сентября

Постановление Политбюро об учете, проверке и утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников наркоматов внутренних дел, военно-морского флота, по иностранным делам, оборонной промышленности, а также ответственных работников комиссий партийного и советского контроля.

29 сентября

Директива НКВД СССР об укреплении режима в трудпоселках, которые «превратились в очаги контрреволюции». Приказано провести «необходимые мероприятия по разгрому контрреволюционного подполья в трудпоселках».

8 октября

Решение Политбюро о создании комиссии (Ежов, Вышинский, Берия и др.) для разработки проекта «постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (симптом близкого прекращения массовых операций).

14 ноября

Директива ЦК ВКП(б) об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД СССР. «В результате этой проверки органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманым путем проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия».

17 ноября

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (утверждено Политбюро 15 ноября). Прекращается деятельность всех чрезвычайных судебных органов, запрещается производство

массовых операций, аресты разрешается производить только с санкции суда или прокурора. Восстанавливается ранее существовавший порядок согласования арестов с заинтересованными ведомствами и партийными органами.

25 ноября

Н.И.Ежова на должности наркома внутренних дел СССР сменяет Л.П.Берия.

26 ноября

Приказ НКВД СССР № 00762 в развитие Постановления от 17 ноября. Отменяются все оперативные приказы и директивы о проведении массовых операций; все следственные дела, находящиеся в производстве, передаются в судебные органы и Особое совещание; декларируется возвращение «к нормам социалистической законности».

1 декабря

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов», заменяющее прежнее. 8 декабря соответствующая директива розслана по органам НКВД.

22 декабря

Директива НКВД СССР считать утратившими силу все приговоры внесудебных органов (тройки,

двойка, Особое совещание), если они не были приведены в исполнение или не были объявлены осужденным до 17 ноября.

28 декабря

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» установило административные взыскания за опоздания на работу и прогулы.

10 января 1939 года

Телеграмма Сталина всем региональным руководителям ВКП(б) и НКВД о применении пыток: «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. <...> ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод».

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИТОГИ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»
ОКТАБРЬ 1936 – НОЯБРЬ 1938

По делам, которые вели органы госбезопасности (органы ГУГБ НКВД): Арестовано — не менее 1710 тысяч человек. Осуждено — не менее 1440 тысяч человек. В том числе приговорено к расстрелу — не менее 725 тысяч человек. Из них:

- ◆ «Тройками» по «кулацкой операции» — не менее 436 тысяч человек.
- ◆ Комиссией Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР («двойками») до сентября 1938 года и «особыми тройками» в сентябре-ноябре 1938 года по «национальным операциям» — не менее 247 тысяч человек.
- ◆ Военной коллегией Верховного суда СССР, Спеколлегиями областных судов, военными трибуналами — не менее 41 тысячи человек.

Кроме того, за тот же период: Осуждено «милиейскими тройками» как «социально вредный элемент» (СВЗ) — не менее 400 тысяч человек. Подвергнуто высылкам и депортациям в административном порядке — не менее 200 тысяч человек.

Осуждено судами общей юрисдикции по общеуголовным обвинениям — не менее 2 миллионов человек, из них в лагерь отправлено не менее 800 тысяч человек.

Составители Н.Г.Охотин, А.Б.Рогинский

1. Последнее счастливое лето. Дети маршала М.Тухачевского и командарма И.Уборевича на даче в Смоленской области. 1936. Через год их отцов расстреляют, а дети на долгие годы отправятся в лагерь и детские дома.
2. Митинг казахстанских рабочих в поддержку смертного приговора по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Алма-Ата, 1937.
3. «Дать дополнительно Красноярскому краю 6000 чел. лимита по 1-й категории. За — И.Сталин, В.Молотов». Решение Политбюро ВКП(б) о выделении лимита на расстрел по «кулацкой операции». Октябрь 1937. АП РФ.
4. Народный комиссар внутренних дел Н.Ежов с группой региональных руководителей органов безопасности на совещании, посвященном проведению массовых репрессивных операций. Июнь 1937. 1, 2, 4 — Архив «Мемориала».
5. Прокурор СССР А.Вышинский. Конец 1930-х гг. ГРАКОФД.
6. Строительство железной дороги. Приволжский ИТЛ, 1944. ГАРФ.

Каждое решение Политбюро, каждый из приказов НКВД, упомянутых в хронике «Большого террора», означали смерть тысяч людей, трагедии и страдания их родственников. На этом развороте газеты мы, в качестве иллюстрации, публикуем материалы о нескольких конкретных судьбах.

В архиве «Мемориала» хранятся сотни воспоминаний тех, кто пережили 1937 год. (Первый том аннотированного указателя к мемуарной коллекции «Мемориала», в котором будут описаны около 200 текстов, сейчас готовится к изданию.)

Те, кто пережили «Большой террор», найдут массу знакомых ситуаций в отрывках из мемуаров О.М. Кучумовой, попавшей в лагерь после ареста мужа. Описанное ею — это судьба миллионов наших сограждан.

Те письма, которые мы выбрали для публикации, тоже воссоздают типичные судьбы 1937 года, доносят до нас живой голос людей, оказавшихся жертвами одной из самых отвратительных диктатур в истории человечества.

Писем из лагерей сохранилось довольно мало. Особый интерес представляют письма, миновавшие официальную почту, — для этого изобретались самые разные пути и способы (см. фотографию). Нередко в этом помогали совершенно случайные люди — и стоит вспомнить их добрым словом. Они помогали разлученным семьям; благодаря им до нас дошли свидетельства эпохи.

Мы приводим в этом номере газеты только один текст приказа НКВД — приказ этот коснулся всех, кто побывал в тюрьме. Примечательно, что проблему участвовавших самоубийств руководители НКВД (и, само собой, партии, поскольку без санкции Политбюро не издавался почти ни один приказ НКВД) связывали не с садистскими методами ведения следствия, не с отчаянием заключенных, а с тем, что «враг не прекращает своей борьбы и после ареста, прибегая нередко, в целях скрытия своей преступной деятельности, к самоубийству». Эта формула сама по себе характеризует эпоху лучше любых длинных ученых трудов.

СУДЬБЫ 1937 ГОДА

ЦИРКУЛЯР ДЕСЯТОГО ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР ЗА 1937 ГОД

№ 100.

4-го октября 1937 г.

г. Москва.

СОВ. СЕКРЕТНО

ВСЕМ НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИК ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ

Полученные 10 отделом ГУГБ сведения (далеко не полные) об имевших место самоубийствах подследственных арестованных, по делам ГУГБ за 1936-1937 г.г. указывают на крайне неудовлетворительный надзор за арестованными в тюрьмах и их скверную охрану следователями при вызовах на допрос.

Имевшие место случаи самоубийства и самоповешения арестованных, нанесение колотых и резанных ран со смертельным исходом и особенно выбрасывание из окон во время допроса — результат отсутствия элементарных предупредительных мер со стороны многих НКВД (УНКВД) и явной расхлябанности лиц тюремного надзора и работников, ведущих следствие. Некоторые работники ГУГБ забывают, что враг не прерывает своей борьбы и после ареста, прибегая нередко, в целях скрытия своей преступной деятельности, к самоубийству.

Это обязывает надзирательский состав тюрем ГУГБ и работников, ведущих следствие, к особой бдительности в охране арестованных.

В действительности же наблюдение за арестованными в камере и на допросе ведется плохо. Также плохо производится личный обход при доставке арестованного в тюрьму и при возвращении его с допроса.

Перед вызовом арестованного на допрос следователь не принимает надлежащих мер по подготовке своей комнаты и письменного стола для допроса.

Проемы лестниц по маршрутам движения арестованных на допрос не имеют предохранительных сеток, а окна комнат следователей, коридоров и уборных — предохранительных перекладин.

Только несоблюдение этих элементарных требований содержания и охраны арестованных приводит к значительному количеству самоубийств важнейших арестованных.

В целях решительного устранения самоубийств подследственных арестованных по делам ГУГБ, предлагается:

1) установить особо тщательный обход арестованных при доставке их в тюрьму ГУГБ, изымая у арестованного ремни, пояса, подтяжки, шнурки, все колющие и режущие предметы вплоть до бранных пряжек и металлических пуговиц;

2) заменить все поступупание с арестованным лекарством на тюремные по предписанию врача; лекарства, предписываемые тюремным врачом, арестованному на руки не выдавать, выдачу каждой дозы лекарства обязан производить тюремный мед.персонал, очки и пенсне выдавать только по просьбе следователя на дневные время;

3) установить, как правило, тщательный обход одиночных камер до ввода в них новых арестованных; систематически обыскивать камеры, особенно одиночки, используя для этого вывод арестованного на допрос, прогулку и т.д.;

4) установить, как правило, личный обход арестованного после каждого возвращения с допроса, при входе в баню, при переводе из одной камеры в другую, при отправке в суд и возвращении с суда;

5) улучшить «глазки» дверей камер, обеспечив достаточный обзор всей камеры;

6) обратить особое внимание на усиленную охрану камер во время раздачи пищи и смены дежурного наряда, помня, что в это время ослабляется бдительность надзора, тем чаще пользуются арестованные;

7) затяннуть прочной сеткой все пролеты лестниц в тюрьмах ГУГБ и в зданиях НКВД (УНКВД) по маршрутам движения арестованных;

8) окна комнат, где ведутся допросы арестованных, а также коридоров и уборных держать всегда запертыми и запломбированными, снабдив окна металлическими перекладинами; форточки большого размера должны также иметь наружные металлические перекладины;

9) в комнатах, где производятся допросы арестованных, не допускать хранения в открытом виде режущих предметов (ножи, лезвия, скрепки, булавки, шила и т.п.); установить столы следователей таким образом, чтобы стол изолировал арестованного от окна; иметь в этих комнатах для арестованных металлические или пластмассовые кружки для воды;

10) обязать работников, ведущих следствие, и начальников тюрем УГБ взаимно сообщать друг-другу данные о состоянии и поведении арестованных, числящихся за соответствующим следователем.

Все покушения на самоубийства должны тщательно расследоваться. Лица, виновные в ослаблении бдительности или допустившие небрежность, должны подвергаться взысканиям.

О всех случаях самоубийства подследственных арестованных, числящихся за УГБ, немедленно телеграфно доносить в 10 отдел ГУГБ, указывая где произошло самоубийство (тюрьма УГБ, тюрьма ОМЗ, здание НКВД (УНКВД)).

О всех попытках самоубийства арестованных, числящихся за УГБ сообщать в 10 отдел ГУГБ в ежемесячных сводках по прилагаемой форме.

Установите точный учет всех самоубийств и попыток на самоубийство подследственных арестованных, числящихся за УГБ, охватывающий и периферийные органы.

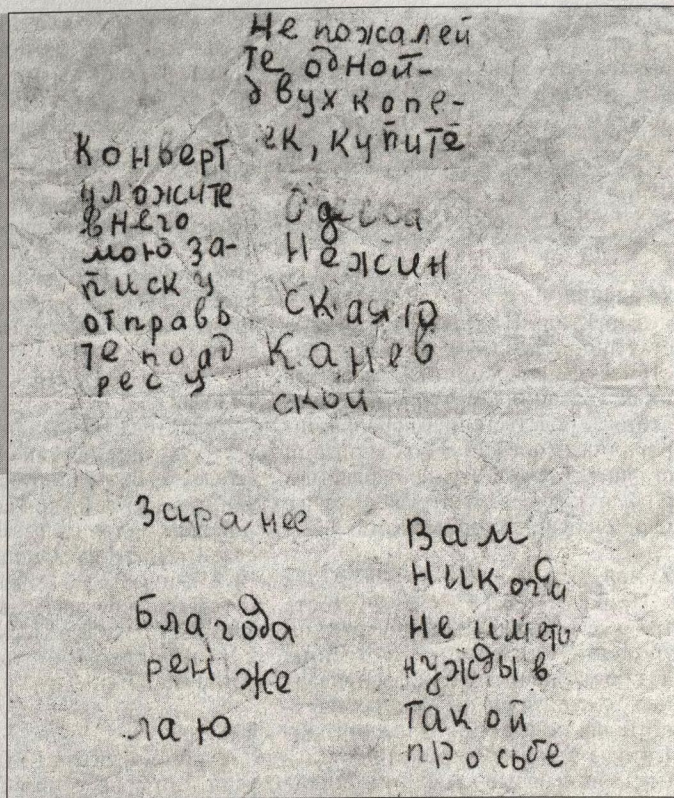
Сводку самоубийств и покушений на самоубийство за девять месяцев 1937 года (по той же форме) вышлите в декадный срок по истечении сего.

Приложение: форма сводки.

Начальник 10 отдела ГУГБ НКВД

ст. майор государственной безопасности

ВВШНТОК

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Письмо Марии Ксенофоновны Малышевой написано ею в лагере и адресовано мужу — Андрею Григорьевичу Малышеву (она не знала, что к этому моменту он уже был расстрелян), — это письмо, одно из многих, не было отправлено и чудом сохранилось.

Малышев Андрей Григорьевич, родился в 1893 в селе Бакалы Бакалинского р-на Башкирской АССР, проживал в Перми. Арестован 17.07.1937. Осужден 13.01.1938. Расстрелян в тот же день.

Мой друг, мой дорогой Андрюшко!

Сколько раз я писала тебе, писала зная, что послать тебе его мне все равно некуда, что оно останется у меня, ползет некоторый период времени и затем ..... при первом же «набеге» наших телохранителей будет уничтожено! Но писать все же безумно хотелось... Где-то ты, мой родной? Жив ли? Или может быть давно уже зарыл в могилу? Пусть даже тебя нет, все равно мой родной я даже и с мертвым хочу с тобой говорить! Сколько за эти годы накопилось невысказанного ..... можно было бы создать многолетний труд, если бы не это что пережило, передумано, перечувствовано изложить на бумаге!

Да, мой друг! На нашу долю выпало тяжелое время, можно было давно стать сумасшедшей, но как-то я все же, благодаря ли тому, что все же имею силу воли, или потому, что верю в торжество правды, надеюсь, что вся эта гнусная ложь будет разоблачена рано или поздно и вот, вероятно, эта вера и поддерживает мою жизнь и сохраняя меня рассудок. Правда, когда я сидела в тюрьме, то последние месяцы была, пожалуй, близка к помешательству, но приезде в лагерь, попав на тяжелую физическую работу я была, пожалуй, спасена от сумасшествия. Все мое нервное напряжение было переключено на физическое и страшная усталость после 12-14 часового рабочего дня не оставляла ничего для мысли, хотелось безумно только одного, — добраться до постели и уснуть, уснуть...

Архив «Мемориала» Ф. 1. Оп. 3. Д. 3063.

А.Г.Малышев

Акмолинск в переводе с казахского означает белая могила.

Вот под Акмолинск, в 26-ю точку Карагандинских лагерей, прибыл наш этап в начале тридцать восьмого года. Сюда свозили нас, репрессированных жен, — это был один из пунктов строгой изоляции. Мы назывались ЧСИР — члены семьи изменников родины... Позднее свои же замороченные остряки прозвали эту точку «АЛЖИР» — акмолинский лагерь жен изменников родины*..

Из московской Бутырской тюрьмы привезли нас в телечных вагонах и выбросили на снег перед еле выглядывавшими из-под снега черными домиками распределителя. Белое небо, белая равнина, бескрайняя, без единого бугорка. Горизонта нельзя было бы различить, если бы не лимонные дымки, кое-где поднимавшиеся из труб, и лучи заходящего солнца. По белой земле тут и там разбросаны темные пятна — это бараки, наше жилье.

Бараки сгруппированы, их двенадцать. Так вместе они обнесены двумя рядами колючей проволоки, между этими рядами на длинных цепях бегают громадные собаки, вымуштрованные овчарки со страшными мордами, могильную тишину степи время от времени разрывает их хриплый лай.

Наш этап провели через вахту, долго считая на морозе, снова пересчитывая; измученные долгим переездом, мы еле держались на ногах. Семнадцать суток ехали мы в «АЛЖИР» из Бутырок. В телечных вагонах в два этажа были устроены сплошные нары, только в середине вагона оставалось место для печурки с железной трубой и... параша...

На нарах можно было улечься только боком, как сардинки, впритирку друг к другу. За ночь тело затекало, чтобы повернуться на другой бок, нужно было поднимать весь ряд и с трудом втискиваться обратно между другими телами, хотя тела эти достаточно утончилились от пребывания в тюрьме (у некоторых многих месяцев).

Точному расчету тюремщиков, распределявших по вагонам этот живой багаж, можно было удивляться! Стены вагонов покрыты инеем, и лежавшие у стены примерзали к ним, волосы по утрам приходилось оттирать от досок с посторонней помощью. Очень мучила эта теснота, духота, грязь и недостаток воды, спасало теплое внимание друг друга — за полтора месяца совместного пребывания в одной тюремной камере Бутырок мы стали друзьями, всем нам довелось пережить примерно одно и то же: поиски места на тюремных нарах или под ними (иногда в тюрьме спали по очереди: чтобы одному вытянуть ноги, другому принужден был сидеть рядом — ведь камера, рассчитанная на 20 человек, вмещала теперь в три-четыре раза больше); волнение всей камеры, когда одну из нас вызывали к следователю, бесконечные поверки утром и вечером, бесконечные пересчеты не ахти грамотных стражей; обыски, бани и т.п. — общая беда сблизилась, сроднила нас.

Все пережили самый страшный день в тюрьме, когда, как скотину, выгнали нас толпой из камеры в коридор, построили и провели в большую комнату, по-видимому, служебную канцелярию тюрьмы, где всем по очереди с большой спешкой прочитали приговор, без суда, по постановлению какого-то неведомого нам особого совещания — восемь, пять лет и редко три года, каждую заставили расписаться и освободить место следующей... У меня подкосились ноги и словно остановилось сердце, вымолвить слово не было сил... некоторые тут же падали, а были такие, которые громко расхохотались в ответ на приговор, страшный этот хохот, как хлыст, ударил по нервам: казалось, что-то полнет сейчас в мозг... Самое странное: ни один голос не поднялся в протест — такой нелепостью, нереальностью это было.

Более стойкие из нас бросились поддерживать друг друга, закрывать

ладонью рты истерически кричащим и хохотавшим как безумные... Вот что получили мы вместо ежедневных мечтаний и разговоров о том, что «разберутся и отпустят!» Как же это?! Что же это?! На каком мы свете?! — говорили блуждающие обезумевшие глаза на осунувшихся сразу лицах.

Все это мы пережили вместе, мы все друг друга знали по имени, мы все были на «ты». За последние полтора месяца в общей камере мы узнали истории друг друга — все боли расставания с родными, с детьми...

ЖЕНЫ

...воспоминания безмолвно предо мной
свой длинный развивают свиток...

А.С.Пушкин

Кучумова Ольга Михайловна (1902—1988). Работала референтом справочной редакции ТАССа. Арестована 29.11.1937. Постановлением ОСО осуждена на 8 лет как ЧСИР. После окончания срока в 1945 году — в ссылке. Вернулась в Москву в 1954 году после реабилитации. Мемуары О.М. Кучумовой переданы в архив «Мемориала» Т.А.Пелише. Муж О.М.Кучумовой Лавров Михаил Александрович родился в 1899 году в Рыбинске; перед арестом — зам. начальника Управления центральной бухгалтерии Госбанка СССР. Арестован 25.08.1937. Военной коллегией Верховного суда СССР 26.10.1937 приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян. Захоронен на Донском кладбище.

Поэтому теперь, в тесноте и вонии этапного вагона, подбадривали друг друга, менялись местами у стен, поближе к печке устраивали больных, рассказывали отвлекающие истории, воспоминания о лучших днях, мечтали приехать на место, вымыться, а главное — полной грудью вдохнуть воздуха, некоторые оптимистски утверждали даже, что там, на месте мы сейчас же купим одеколон — ведь есть же там аптека или какая-то лавочка! — вымоем головы и сразу начнем борьбу с насекомыми, сильно разномышлявшими в этапе.

И вот, наконец, кончился этот этап, по сверхурочному хрустающему снегу вступили мы под крышу уютованной нам в степи барачной, на встречу поднялись копошащиеся но углам фигуры прибывших раньше нас заключенных жен. Мы, оказываемся, не первые! Женщины, вставшие нам навстречу, ждали радостных новостей из Москвы. К сожалению, утешить их мы ничем не могли. В наших глазах стоял тот же вопрос, что и в их — ЗА ЧТО?..

Успокоения и разгадки не пришло и со следующими этапами, бараки скоро наполнились до отказа, и на двухэтажных нарах стало тесно.

В нашем двенадцатом бараче (как, впрочем, и в других), нары в два этажа под сводчатым потолком в два ската, распертым громадными деревянными балками.

Суровая зима в самом разгаре. Барак вмещает 300 человек, освещен в двух-трех местах подвешенными к центру балки десятиламповыми керосиновыми лампочками.

Я лежу на верхних двухместных нарах рядом с Валей Л., с той самой молодойкой студенткой московской литературного института, которая еще в Бутырьках взяла меня под свою опеку. Попав в тюрьму, в общую камеру, я не могла остановиться слез и, изменяющая от них, падала ничком на очищенное ею для меня место и засыпала от слабости; просыпалась, снова заливаясь слезами — не знаю, сколько времени прошло так — может быть сутки, может, больше, Валя заботливо совала мне в рот папиросу, уговаривала съесть тюремной похлебки, даже уверяла, что щи не плохие, если есть их с чесноком, все это я помнила как сквозь

туман навалившегося на меня горя; и чуткое вниманье и забота Вали никогда не забудусь. Когда она, наконец, уговорила меня съесть корочку хлеба, натертую чесноком, я приподнялась и с коркой хлеба в руках отлежалась по сторонам — камера была набита битком: на нарах и под нарами лежали женщины, стоял приглушенный говор. Со всех сторон на меня глянули лица с широко раскрытыми глазами, сочувствиями мне и тоже наполненными слезами.

Глаза мои высохли, я стала вглядываться в окружающих, ища знакомые лица. И находила их, и сама стала утешать, вспоминать, а потом даже читать стихи вслух, чтобы отвлечь своих подруг по несчастью от страшного настоящего, вот так Валя первая вернула меня к жизни.

И вот теперь, уже «аборигены» злешних значных мест, мы лежим на верхних нарах барака; под нами соломенные маты, сплетенные нашими же руками, внизу топится чужой комнате перед зеркалом. Густые сумерки, вглядываясь в стекло зеркала, вдруг замечаю, что позади меня, за плечами стоит мужская фигура: сначала смутно, потом яснее и яснее, это Миша — мой муж — он стоит за моей спиной... Он в сером костюме, полнотел, заснежен на все пуговицы... но лицо у него такое же серое, как костюм, словно окаменевшее, безжизненное, а взглядываю в это лицо через зеркало, я боюсь шевельнуться, боюсь спугнуть видение. С громадным напряжением я шепчу: «Миша, где?» и взглядываюсь, взглядываюсь в стекло, лица ответа, стараясь по губам его узнать истину, его судьбу, он словно шевелит губами, словно силится что-то сказать, но звук его голоса до меня не доходит, лицо серое, неживое, медленно тает...

В ужасе я просыпаюсь. Сердце колотится как бешеное. Сразу стараюсь вспомнить, какое сегодня число. Восемнадцатое ноября тридцати восьмого года. Что-то с ним случилось именно сегодня, именно сейчас, в эту ночь!.. Что-то непонятное... Верно, его не стало в живых...

Я теперь редко вспоминаю мужа, все мои мысли заняты матерью и ребенком: они остались одни, без всяких средств к существованию (все ведь конфисковано) — одна надежда на помощь родных мужа. Уже почти год я ничего не знаю о них, так же, как и они обо мне. Ведь переписка не разрешается, полное неведение — я отрезана от всех — я в этой снежной пустыне. А о Мише я знала только, что мы оба в заключении, я надеялась, что он выдержит — он физически сильный, здо-

до этого был арестован председателем Правления Госбанка Марьясин, после чего по длинным спискам снимали верхушку работников банка, в число которых попал наконец и мой муж. Но я твердо была уверена, что он ни в чем не виноват: придет еще неделя-другая, все разъяснится, во всем разберутся и он, конечно, вернется. Уходя из дому в сопровождении трех военных, муж, прощаясь, шепнул мне: «Никуда не пиши, никуда не ходи!» — а я на следующий же день побежала в военную коллегию к прокурору, чтобы узнать о судьбе Лаврова, по словам прокурора, мужу инкриминировались контрреволюционные разговоры Какой вздор!..

Я прожила с Лавровым под одной кровлей олимпиаду лет и никогда не слышала от него никакого недовольства: наоборот, он всегда говорил, что живет в такую интересную эпоху, гордился расцветом нашей промышленности, как высоко стоит наш советский рубль! Восхищался строительством метро, каждого нового дома, который вырастал на глазах. Он любил свою работу, с увлечением читал лекции о кредитной политике по всем филиалам Госбанка и считался лучшим лектором. Будучи прекрасным оратором по натуре, он нередко приглашался правлением на советские праздники, говорил вступительные речи, с удовольствием готовился к этим речам, выискивал новое, интересное, особенно хорошо помню его блестящее выступление о Парижской коммуне.

Все, что я знала о нем, я тут же написала в подробном заявлении на имя И.В.Сталина.

Теперь, лежа под темными балками барака, я вспоминала его слова: «Никуда не пиши!» Вероятно, он знал или подозревал всю бесполезность моих хлопот. Ну что же, не отказываться же мне было от него! Нет, я не смогла бы от него отказаться в беде. Я была совершенно уверена в его невиновности!

После ареста Миши жизнь стала для меня сплошным мучительным вопросительным знаком, я все ждала, ждала, ждала вестей от него или возвращения, пока сама не была призвана на «собеседования» к руководителю ТАСС. Я знала, что такие собеседования-исповеди практиковались в последнее время и до меня кое-кого из сотрудников ТАСС вызывали к нему, и выходили они из кабинета начальника с понурым видом и серыми лицами.

И вот пришел мой черед — я вызвана в большой кабинет ответственного редактора. На письменном столе под абажуром горела только одна лампа настольная. Было тихо, уютно, и, как мне показалось, доброжелательно. Семен Григорьевич внимательно посмотрел на меня и предложил сесть, не дожидаясь вопросов, я опустилась в кресло и сразу, как другу, от которого ждешь помощи, сказала:

— Моего мужа арестовали, не знаю за что. Я осталась одна, на руках у меня ребенок и мать, мне надо их содержать... — слезы, вдруг брызнувшие потоком, не дали мне договорить.

Семен Григорьевич задал мне несколько сочувственных вопросов о семье, потом где работал муж, как его фамилия, когда его арестовали и т.д. И ушла.

На другое же утро после «исповеди» по ТАСС был издан приказ о моем увольнении — сокращение без указания причин.

Ходила я потом на прием к тому же Семену Григорьевичу, просила оставить меня хоть машинисткой, хоть подальше от столовой, хоть уборщицей. За двадцать лет службы я впервые оставалась безработной, и в такую минуту!.. Просьбы мои остались без ответа.

В промежутках между простаиванием в очереди к прокурору на Кузнецком мосту я стучала на машинке, теперь уже часто и днем, и ночью.

(Продолжение на с. 10) ➤

«Начало на с. 9»

Каждое утро мама относилась соседке отпечатанное мною за ночь, а я прикладывалась на часах поспать, чтобы в 9-10 вновь садиться за перепечатку очередную, которую поставляла все та же милая моя Мария Васильевна. Сама я старалась никуда не показываться, потому что чувствовала себя какой-то зачумленной, хотя таких, как я, был полон банковский дом, где мы жили. На мне уже лежала печать обреченности, я забывалась только в работе.

Так, работая день и ночь, ждала я возвращения мужа и мечтала о возвращении прежней жизни. Но пробыл и мой час. 29 ноября 37-го года в двенадцать часов ночи раздался резкий звонок. Я сама открыла дверь — вошли двое военных и какая-то женщина — оказалась, представитель домоуправления. Она так и осталась сидеть в передней.

Это была суббота. А по субботам Танюшка, моя дочка, из своей крошечной в бабушкиной комнате всегда просилась ко мне спать на мою широкую кровать. Я так мало видела своего ребенка теперь, что не могла ей отказать в этой просьбе. И в эту субботу она тихо посапывала на своем матрасике у стены, на моей деревянной кровати, а я продолжала работать, подложив под машину диванную подушку, чтобы утихнуть стук.

Когда я оторвалась на звонок и увидела военных, входящих в дом, я вбежала к себе в комнату, подслушала руки под матрасик, подняла свою дочку, стараясь не разбудить ее, и отнесла к соседям по квартире, — я не хотела, чтобы она видела все, что сейчас произойдет, ведь ей уже восемь лет, она все поймет! Но она все-таки проснулась и увидела вошедших, в глазах ее стоял немой ужас. Я уложила Таню на диван у соседки, поцеловала, постаралась улыбнуться, успокоить ее и велела спать. Старушка соседка села рядом с ней.

Когда я вернулась к себе, в дверях уже стояла моя мать. Звонок в дверь разбудил ее. Она смотрела на меня страшными широко раскрытыми глазами и дрожала. Я взяла ее за руку, подвела к дивану, посадила рядом с собой (я знала, что двигаться во время обиска нельзя — у меня уже был опыт: когда брали мужа), обняла, прижала к себе и стала качать, как маленькую, приговаривая шепотом, что, вероятно, меня вызываю для дачи каких-то сведений, что недели через две я, конечно, вернусь и что ни к чему ей волноваться и плакать. К тому же ее слезы могут плохо подействовать на Танюшку. Она ничего не должна знать, ничего не должна видеть! Мама молча слушала меня и молча плакала. А я все качала и качала ее, гладила по голове и целовала ее залитые слезами глаза, никогда в жизни я не была так нежна с ней! Никогда в жизни!..

Между тем военные делали свое дело: перебирали и сбрасывали на пол книги с полок и из шкафов, поднимали матрацы, прокалывали подушки, срывали со стен коврик. В пять утра обиск кончился, мне сказали, чтобы я взяла с собой чемодан с вещами, я машинально побросала в чемодан мыло, полотенце, зубную щетку, как в близкую командировку, — и вопросительно подняла глаза.

— Берите побольше, — буркнул один из военных. Растерянно я похватила из гардероба какие-то теплые вещи, белье, надела шубу с громадным колонковым воротником (только что получила ее от портнихи; и как теперь на зимних стройках она спасала меня! Ну что ж, спасибо хоть за этот добрый совет!). Прощая мимо дверей соседки, прислушавшись. Там было тихо.

«Спит, наверное», — подумала я о дочке, у меня не хватило сил

открыть дверь и посмотреть на нее. А вдруг проснется! Я боялась, что не выдержу ее взгляда и упаду, боялась ужаса в ее взгляде! И тут же вспомнила о разгроме в моей комнате. «Нет, нет, она не должна, не должна его видеть!» — почему-то мне казалось это самым страшным.

— Мамочка, милая, не пуская Таню в мою комнату, пока не убежишь! Уж скоро утро, когда она проснется, чтобы все было убрано, все, все! — вот последние слова, которые я сказала матери.

Слез у меня не было. Я как будто околела. Выскочила из двери собственной квартиры, словно боясь задержать моих пленителей хоть на минуту. Легковая машина стояла у подъезда.

Повезли сразу на Лубянку, проехали по длинному коридору, втолкнули в какую-то крохотную комнатушку без окон. В ней стояли маленький столик и койка, покрытая солдатским одеялом, дверь за военным захопнулась, замок щелкнул.

«Одиночка», — мелькнуло у меня в голове, но почему-то ни капельки не испугало, я как была — в шубе и ботиках — бросилась ничком на койку и тотчас же... заснула, должно быть, сказались все мытарства, все недосыпы последних трех месяцев. Было какое-то странное чувство успокоения, как будто я у места — теперь повелевали переложить... круг замкнулся и податься было равно некуда — пленение и тел, и духа.

В который раз это же вспоминала я теперь, лежа на нарах двенадцатого барака, провожая глазами извивавшиеся по балкам тени. С этими мыслями застало меня темное утро без рассвета.

Полтора года просидели мы за этой колочей проволокой под Акмолинском — некоторым начала уже поступать письма от родных, а кое-кому и посылки, родные разыскивали нас в Улаге. Наконец, нам разрешили писать одно письмо в месяц.

Я получила первое письмо позднее, чем другие. Я уже отчаялась, как вдруг однажды, после поверки, выкликнули и мою фамилию. Я задрожала с ног до головы, схватила письмо, бросилась к себе на второй этаж нары, сулоружно разорвала конверт — из него выпала фотографическая карточка: матушка и дочка, вытнувшись, стояли передо мной, как на поверке. В глаза мне бросились глубочайшие морщины на лице матери, каких раньше не было. Танюшка смотрела строго, сурово и отчужденно.

Я долго и безумно рыдала, глядя на эту карточку, не в силах даже прочесть письмо — поток слез мешал разобрать буквы. Словно не облегчение принесла мне эта первая весточка — вместо радости, что они живы, живы и вместе, их не различили — я вдруг почувствовала всю тяжесть их жизни без меня, все их одиночество и беззащитность. И тяжесть эта их навалилась на меня с новой силой. Прошла неделя, прежде чем я пришла в себя от этого первого впечатления. Я написала им, моим родным, что получила их весточку, что живу прекрасно, окружена друзьями, чтобы они совсем не волновались и не болели за меня, ничего не присылали — я всем обеспечена. Единственное, что я попросила прислать в следующем письме, — новую карточку Танюши. Я просилась улыбнуться мне...

Рисунок Лидии Покровской. Старушка в платке. Акмолинский лагерь (Казахстан), 1939–40. Б. серая, цв. кар., белила. 27 х 18,5. Музей «Мемориала».

* За годы существования лагеря (1938–1946) через него прошло более 4500 жен «изменников родины»

Дорогая Белочка, в этом письме я хочу подробно изложить суть своего дела и все последующие события. Это я хочу сделать для того, чтобы тебе все было ясно. На бывшем у нас свидании и из твоих записок при передачах я убедился, что у тебя нет этой ясновости. Я был арестован в 2 часа 30-го марта 1938 г. в гостинице Европа в Минске, после заседания ЦК КП(б) и приведен в Минскую тюрьму. В тюрьме меня тщательно обыскивали и оторвали все металлические предметы — пуговицы, крючки и пр., а при аресте забрали все документы — партбилет, удостоверение члена ЦК КП(б)Б; орден, медаль, полковую сумку, поясной ремень, нашу семейную фотокарточку, полотенце, 231 рубль денег, часы и пр. В общем, у меня осталась одна мыльница, сохранившаяся до сих пор, и три платка, а костюм без застежек. В таком виде меня поместили в башню в одиночную комнату, где имелась железная кровать и грязный матрац. Весь мир от меня был отрезан, кроме грубых окриков смотрителя на меня и криков извиваемых заключенных в соседней камере, я ничего не слышал. Маленькое окошко, расположенное очень высоко, не пропускало звуков с улицы, но пропускало много холода. Свет постоянно днем и ночью давала электролампа, и я не имел темноты до отправки в лагерь. На следующий день мне дали 600 грамм хлеба, 20 грамм сахара, литр «баланды» (крупа ячменная или капуста, сваренная на воде, кое-когда с костями или тухой рыбой) и литр фруктового чая. До отправки в лагерь я больше ничего не получал. На следующий же день меня вызвали на допрос. Допрашивал Бочаров — помощник начальника 5-го отделения НКВД БССР. После заполнения анкетных сведений мне был задан вопрос: кто, где и когда меня завербовал в военно-фашистский заговор? В дальнейшем только этот вопрос задавался и никакого расследования по существу не было. Все дело сводилось к этому вопросу и к ответу на него. Я ответил категорически, что меня никто не вербовал и никакого отношения к в.ф. [военно-фашистскому] заговору я не имею и что боролся всеми силами с врагами народа. Мне было заявлено, что я фашист, обругали меня матом и пригрозили заставить признаться. После этого начались мои муки. Меня передавали от следователя к следователю, фамилий я их не знаю, которые вызывали меня с вечера на «допрос» и отправляли в камеру в шесть часов утра, а в камере спать днем не полагается. Таким образом первая попытка заключается в

ПИСЬМО ИЗ КОТЛАСА

Письмо М.Ф.Хайлова, написанное на большом (35 х 40 см) листе папиросной бумаги, — редкий образец неподцензурного письма из лагеря; оно дает представление о методах следствия и об условиях существования в неволе.

Хайлов Михаил Федорович. Родился в 1897 г. в крестьянской семье в Ивановской области, призван в армию в 1916 г. В Красной армии в 1918 г., член ВКП(б) с 1919 г. Арестован в Витебске в марте 1938 г., на момент ареста — комиссар 4-го стрелкового полка Белорусского военного округа. 11 сентября 1939 г. приговорен Особым совещанием к 8 годам ИТЛ (отбывал: Архангельская обл., Коми АССР). Согласно свидетельству о смерти, умер в лагере 17.02 1943 г. от воспаления легких. Реабилитирован в 1955 г.

лишении сна. Некоторое время спустя стали применять стойки, т.е. я длинные ночи стоял пятки и носки вместе. После этого стали применять физкультуру, т.е. приседания по сотне, стойки с поднятыми руками и прочие. Наконец в августе месяце меня передали следователю Филону и его помощнику Вишнекину. Эти два палача подряд четверо суток попеременно меня избивали. Я дошел до крайнего упадка сил. Эти четверо суток мне не давали ни спать, ни есть, ни пить, ни уборной. Под побоями я падал, умственная деятельность нарушалась. Тогда меня посадили на стул и с силой ввинтили в письменный стол и в этом положении избивали. Случилось невероятное. Я, совершенно неповинный человек, всеми этими пытками в течение пяти месяцев был доведен до мысли, что лучше умереть и подписать, что я фашист и что меня завербовал Писманник.

Продолжаю письмо уже в 1940 г. Сегодня 1.1.1940 г. Привет Вам всем и запоздалое поздравление. 1938 г. и 1939 г. были годами пыток, а 1940 г., видимо, будет годом каторги. Представь, Белочка, меня без курева, голодного, в одной паре белья, которую я в бане стирал (на все времена 30 минут!) и мокрую одевал на себя, пять месяцев не бритого и не стриженного, всего в синяках и кровоподтеках, от боли не способного ни лечь, ни сесть, ни в уборную сходить, подписавшего на себя и Писманника клевету, за которую кроме расстрела ждешь нечего, и ты поймешь мое состояние. Несколько раньше я от тебя получил 50 р. денег. Меня это безгранично обрадовало, т.к. я полагаю, что ты в моем же положении. Однако деньги не помогли, т.к. не «расколовшимся», т.е. не написавшим на себя клеветы, в лагерь ничего не давали, кроме папирос. До получения денег я папиросы выменивал на часть хлеба из пайки. После одиночки, в которой я просидел около двух месяцев, меня перевели в общую камеру, где находилось 170 человек таких же, как я. Теперь наступила невыносимая жара, от пота на полу лужи. Люди в нарывах, в сплошных прыщах. При мне тоже умерло, двое сошло с ума. Спали на голом полу, человек к человеку, ежедневно драки, воровство и пр. После того, как я написал на себя клевету, меня больше не вызывали на «допрос», и я стал с помощью твоих денег подправляться. В октябре 1939 г. меня вдруг вызывали с вещами, сажают в ящик автомобиля, на котором снаружи написано «Хлеб», и везут на станцию и т.д. Я очутился в Смоленской тюрьме, где питание было еще отвратительнее. После ноябрьских праздников меня перевели в подвал НКВД во внутреннюю тюрьму в темную, сырую одиночку. Ты туда приезжала несколько раз, и тебе, вероятно, начальник тюрьмы Стельмах втирал очки.

Архив «Мемориала» Ф. 1. Оп. 4

ЕЩЕ ОДИН «РАССТРЕЛЬНЫЙ» АДРЕС В МОСКВЕ

Мы не раз уже писали о завесе секретности, которая окружала все, что было связано со смертными приговорами. Советская власть не просто убивала — она убивала тайно. Она лгала, сообщая родственникам про «десять лет без права переписки»; она лгала уже после «разоблачения культа личности», указывая ложные даты и причины смерти. Мы опубликовали некоторые из распоряжений, регламентировавших эту ложь.

Только в конце 1980-х годов родственникам стали сообщать подлинные даты смерти жертв государственного террора. В ряде регионов (далеко не во всех) стали известны и места захоронений расстрелянных — во многих случаях расположение их известно лишь приблизительно; многие захоронения были уничтожены, на их месте построены заводы или жилые массивы, проложены дороги. Утверждают (возможно, справедливо), что в архивах спецслужб не сохранилось документов о местах захоронений, свидетелей же найти трудно — за давностью лет и (опять-таки) в связи с секретностью. Еще в 1922 году специальным распоряжением Верховного Трибунала ВЦИК было предусмотрено, что «тело расстрелянного никому выдаче не подлежит, предается [земле] без всяких формальностей и ритуала, в полном олении, в коем был расстрелян, на месте приведения приговора или в каком-либо другом пустынном месте, и таким образом, чтобы не было следа могилы, или отпроявляется в погребальный морг».

Но самый сложный вопрос — места расстрелов; почти вся информация о них — случайная или косвенная. Лишь в нескольких регионах в качестве мест расстрелов были названы подвалы управлений НКВД или тюрем; но и в этих случаях документальные подтверждения отсутствуют. Лишь изредка указания на места захоронений можно найти в актах о приведении приговоров в исполнение. По моему мнению, в Москве тоже известно очень мало, несмотря на огромное число казненных. Документы 7-го (так называемого расстрельного) фонда архива ФСБ не содержат практически никаких указаний на место исполнения приговора. Достоверно известно лишь про существование с первых лет советской власти расстрельного помещения в Варсонофьевском переулке, где размещалась МЧК (по некоторым свидетельствам, оно использовалось до 1936 г.). Существуют довольно определенные (хотя и косвенные) указания на существование таких помещений в некоторых московских тюрьмах — Бутырской, Лефортовской, Таганской. Документы же, регламентирующие приведение приговоров в исполнение, нам практически неизвестны.

Многие осуждающие инстанции не имели собственных исполнителей приговоров (проще говоря, палачей), или по крайней мере не имели оборудованных помещений, — и обращались за «содействием» к ВЧК-ОГПУ-НКВД. Но некоторые судебные органы (особенно в первые годы советской власти) имели и свои расстрельные команды, и помещения. Такие органы сами приводили приговоры в исполнение, и акты о расстреле в этом случае в 7-м фонде отсутствуют.

Поэтому для нас особенно важен каждый документ, содержащий дополнительную информацию. Сведения про еще один «расстрельный» адрес обнаружили в переписке судебных и хозяйственных инстанций (документы приводятся без исправлений). Началась эта история с письма Председателя Верховного суда СССР А.Винокурова (его имя до сих пор носит одна из московских улиц).

10 апреля 1934 г. 30/001210
СРОЧНО
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОВЗА ССР тов. КУЙБЫШЕВ В.В.

Верховный Суд Союза С.С.Р. в лице его Коллегий — Военной и Транспортной, как судов первой инстанции, а также Военный Трибунал Московского Округа, Линейные железнодорожные суды Московского узла, Московский Областной и Городской Суды поставлены в исключительные тяжелые условия по приведению в исполнение приговоров к высшей мере — расстрелу. До прошлого года разрешение этого вопроса принимало на себя ОГПУ, теперь же категорически отказалось.

Соответствующих условий и помещений в здании Московского Областного Суда — нет; бывшее же помещение для этой цели при Московском Уголовном розыске ныне ликвидировано. Приведение приговоров в исполнение за городом не возможно. Для разрешения этого вопроса можно предложить два варианта: 1/ Обязать ОГПУ предоставить только соответствующее помещение, причем, исполнителями будут сотрудники судебных органов и 2/ оборудовать соответствующее помещение в Бутырском или Таганском Домзаксе или при Московском Уголовном розыске и при этом варианте исполнители приговоров будут также сотрудники судебных органов. При реализации первого варианта потребуются следующие расходы: а) на приобретение двух специально-оборудованных грузовых автомобилей ..... 20.000р. б) на зарплату 2 шоферам в год ..... 7.200р. в) на содержание 2 автомобилей в год ..... 18.000р. г) на содержание помещения и особые расходы в год ..... 6.000р. ИТОГО ..... 51.200р.

Если же потребуется оборудовать специальное помещение в домзаксах или в Уголовном розыске, то для этой цели необходимо дополнительно ассигновать еще 25–30 тысяч рублей.

Представляя выше свои соображения, прошу разрешения возбужденного мною вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХСУДА СОВЗА ССР /А.ВИНОКУРОВ/

Что важно в этом документе? Во-первых, из него следует, что расстрелы по приговорам судебных органов в Москве до 1933 г. включительно исполняли органы ОГПУ. Во-вторых, упомянуто существовавшее ранее расстрельное помещение при Московском Уголовном розыске — это еще один, пока неизвестный адрес.

Ответ из Совнаркома последовал немедленно.

19 апреля 1934 г. № 001223сс

ВЕРХСУД СССР тов. ВИНОКУРОВА.

Тов. МОЛОТОВ разрешает оборудовать одно из имеющихся помещений для приведения приговоров в исполнение.

Исполнение приговоров возлагается на сотрудников судебных органов. На оборудование помещения Вам отпущено из резервного фонда СНК СССР восемьдесят (80) тысяч рублей, о чем сообщено НКФ СССР 19.IV.34 г. за № 001222сс.

ЗАМ.УПРАВЛЯЮЩЕГО ДЕЛАМИ СНК СССР: (И.МЕЖЛАУК)

Мы не имеем документов, когда именно и кем было определено, какое из «имеющихся помещений» оборудовать для расстрелов. Но решение было принято уже вскоре, и работы начались — не без трудностей.

22 августа 1934 г. 30/02207

СРОЧНО
СЕКРЕТНО
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА тов. СМИНОВУ.

Согласно имеющимся у меня данным — работа по постройке помещения для исполнения приговоров, которую предполагалось закончить к 15/VIII до настоящего времени не только не закончена, но фактически не считая мелочной подготовительной работы, даже не начата.

Совершенно нетерпимым является тот факт, что несмотря на перевод Вам 17/VI денег Вы только через месяц 17/VII заключили с строительной конторой договор, при чем при наличии в основном каменных работ, Вы не имея и в дальнейшем не обеспечив за собой реальной возможности достать для стройки каменщиков, поставку именно каменщиков взяли на себя.

Последнее обстоятельство между прочим убедило меня в том, что Ваша недальняя информация о том, что задержка стройки происходит только благодаря отсутствию цемента, который к стати сказать, Вы получили при нашем содействии — не соответствует действительности. В данный момент стройка уже 5-й день стоит за отсутствием каменщиков.

Обращая Ваше внимание на недопустимость проволочки и совершенно неудовлетворительную организацию работы — я предупреждаю Вас, что при дальнейшей задержке строительства, я принужден буду привлечь виновных в этом к ответственности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХСУДА СССР /ВИНОКУРОВ/

Суды тем временем заседали, приговоры выносились, и «исключительно тяжелые условия по приведению в исполнение» необходимо было как-то преодолевать. Пути изыскивались разные.

14 мая 1934 г. №30/001712

СОВ.СЕКРЕТНО
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА тов. СТЕПАНОВУ

В числе осужденных линейными судами Московского узла имеется 4 человека, в отношении которых приговор к расстрелу оставлен в силе. Впредь до окончания оборудования специального помещения, прошу сделать распоряжение о предоставлении возможности приводить приговоры в исполнение в помещении Московского областного суда средствами Верхсуда Союза ССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА СОВЗА ССР /ВИНОКУРОВ/

Этот документ показывает, что какое-то расстрельное помещение у Московского областного суда все же было если не в самом здании суда (на ул. Воровского, 13), то в каком-то из подведомственных помещений — и это тоже отправная точка для дальнейших поисков.

Проблемы с помещениями для расстрелов возникали и в других регионах, и там тоже обращались за «содействием» к коллегам. Не всегда, впрочем, успешно — вот ответ на аналогичную «просьбу о помощи» из Леноблсуда.

14 июня 1934 г. № 387с

СОВ. СЕКРЕТНО
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР тов.ВИНОКУРОВА
Копия: Пред.Верхсуда РСФСР тов.БУЛАТ:
На № 34/001510 от 31 мая 1934 года.

Я возражаю против исполнения приговоров с высшей мерой социальной защиты Линсуда Октябрьской жел.дор. Командой Облсуда. Оперативная Команда Облсуда малочисленна, при чем не каждому и из этой Команды можно поручить исполнение приговоров.

Кроме того в связи со значительным количеством приговоров с высшей мерой социальной защиты в 1933–34 год[ах] Команда утомлена, средство передвижения затруднено, а равно отсутствуют и средства на расходы, связанные с исполнением этих приговоров. Прошу обсудить вопрос об организации, хотя-бы небольшой отдельной Команды для обслуживания Линсудов, Мурманского и Октябрьской жел.дор. в части исполнения приговоров с высшей мерой социальной защиты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЛСУДА: (Грибов)

Винокуров попытался воздействовать на упрямого коллегу, написав письмо Председателю Верховного суда РСФСР Булату:

31-го мая с.г. отношением своим за № 34/001510 на имя председателя Ленинградского Областного суда тов. ГРИБОВА, Верховный Суд Союза ССР просит Облсуд об оказании содействия Линсуду Октябрьской ж.д. и приведении в исполнение приговоров к ВМСЗ — расстрелу, в части предоставления команды и транспорта, так как Линсуд в своем распоряжении не имеет указанных средств.

Ввиду категорического отказа тов. ГРИБОВА выполнить просьбу Верхсуда Союза ССР, прошу Вашего соответствующего распоряжения.

Возьмем ли действие это письмо — неизвестно. К концу 1934 г. новое помещение в Москве было подготовлено, и Винокуров сообщил об этом заинтересованным лицам:

Хранить на правах шифра
Подлежит возврату в 48 часов
16 декабря 1934 г.
30/001211/0П

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХСУДА РСФСР
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЛСУДА — т. Степанову
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОРСУДА — т. Смирнову
Л И Ч Н О

1/ Верховный Суд Союза ССР открыл специальное помещение для приведения в исполнение приговоров с высшей мерой уголовного наказания. Указанное выше помещение расположено на территории Горсуда, Колчаневская ул., д. № 43.

2/ Для обеспечения операций Верховный Суд СССР предоставляет в распоряжение Судорганизации, привозящей в исполнение приговор, автомашину, как для доставки приговоренных в помещение, так и уборки их после совершения операции.

3/ Заявки на помещение и подачу автомашин выполняются по письменному требованию:

а/ Председателя Верхсуда СССР;
б/ Председателей и членов коллегий Верхсуда СССР;
в/ Председателя Верхсуда РСФСР;
г/ Председателя Московского Обл. Суда;
д/ Председателя Московского Гор. Суда.

4/ Заявки требовании на совершение операции и подачу машин принимаются ежедневно от 10 до 16 часов, в Управление делами Верховного Суда СССР/Большая Дмитровка, д. 15а/.

В управлении Делами Верхсуда СССР требования должны сдаваться только лично или Управляющему Делами Верхсуда СССР т. КАССЕЛЬ или Команданту Верхсуда СССР тов. КУШИНУ. Передача требований другим лицам безусловно не разрешается.

5/ Доставка в помещение приговоренных, конвоирование их и приведение приговоров в исполнение производится с соблюдением действующих правил той судебной организации, которая вынесла приговор.

6/ По исполнению приговора, исполнитель той же судебной организации производит дальнейшие операции вплоть до вывозки /на представленной Верхсудом СССР автомашине/ и сдачи тела в крематорий.

7/ На каждый выполненный приговор с высшей мерой уголовного наказания составляется акт, копия которого должна храниться у команданта спец. помещения.

8/ При прибытии представителей суд. организации в спец.помещение для совершения операции, командант Спец.помещения должен удостоверить, что прибыли действительно представители той суд. организации, в распоряжение которой была послана авто-машина.

9/ До выдачи авто-машины на вывозку тела, командант спецпомещения должен получить акт за подписями представителей суд. организации, привозящей приговор в исполнение, об исполнении приговора.

Изложенное сообщать для сведения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА СОВЗА ССР /ВИНОКУРОВ/

Из этого документа становится известен и точный адрес — Каланчевская ул., д. 43. Стоит отметить, что в 6-м пункте предполагается единственный способ захоронения (уничтожения тел) казненных — через крематорий.

Работа по «благоустройству» помещения продолжалась. Надо было обеспечить транспорт, и Винокуров отправляет очередное письмо.

(Продолжение на с. 12)

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ» О НЕОБХОДИМЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕМ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Приводим предложения, которые неоднократно высказывались представителями «Мемориала» на встречах с различными представителями властей, передавались в структуры законодательной и исполнительной власти.

1. Целью Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1, выраженной в изначальном тексте его преамбулы, «является реабилитация всех жертв политических репрессий... восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба».

Таким образом, при принятии закона законодатель исходил из того, что государство:

- признает ответственность перед гражданами за последствия применения политических репрессий, которые затронули судьбы миллионов людей и привели к нарушению их конституционных прав;

- принимает на себя обязанность возмещения указанным лицам причиненного вреда, который, исходя из его масштабов и числа пострадавших, не может быть возмещен в порядке, установленном гражданским или иным отраслевым законодательством.

Эта обязанность вполне согласуется с положениями статей 2 и 18 Конституции РФ, согласно которым защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, а также с конституционной нормой статьи 53 Конституции РФ, закрепляющей обязанность возмещения государством вреда, связанного с осуществлением государственной деятельности в различных ее сферах.

В то же время известным Законом № 122-ФЗ от 22.08.2004 «обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба», причиненного жертвам репрессий, было превращено в обеспечение мер социальной поддержки граждан, пострадавших от политических репрессий. Долг государства репрессированным превратился в благотворительную акцию — гуманитарную поддержку неимущих.

Нам представляется, что такая подмена государственного долга государственной благотворительностью не соответствует действительным обстоятельствам.

2. Как известно, в соответствии с Законом № 122-ФЗ от 22.08.2004 из преамбулы Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» были изъяты слова о компенсации морального вреда, причиненного жертвам репрессий. Упоминание о моральном вреде, то есть о нравственных страданиях, причиненных государством, имело принципиальное значение для репрессированных и для граждан России в целом. Это упоминание подчеркивало осознание вины и ответственности государства перед гражданами за содеянное. Оно было неким признаком раскаяния

государства, публичным заверением в том, что впредь этих страданий оно приносить гражданам не будет. Но даже этот робкий намек на раскаяние, не стоивший государству ни копейки, был изъят из текста Закона.

Восстановление прежнего текста преамбулы Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» является, с нашей точки зрения, совершенно необходимым.

3. Законом № 122-ФЗ от 22.08.2004 покрытие расходов по компенсации ущерба жертвам репрессий с бюджета Российской Федерации было переложено на бюджеты субъектов РФ.

Политические репрессии в СССР, как известно, осуществлялись советским государством на основании общегосударственных решений. Ответственность за их последствия несет государство в целом, а не его отдельные административные образования — субъекты Федерации.

Из преамбулы Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» следует, что ответственность за устранение последствий политических репрессий и реабилитацию их жертв принимает на себя Российская Федерация и, следовательно, причиненный вред подлежит возмещению за счет федеральной казны.

Помимо этой принципиальной недопустимости подобного изменения закона, существует и чисто правовое основание считать его неправомерным.

Передача вопросов правового регулирования возмещения причиненного государством вреда жертвам политических репрессий с федерального уровня на уровень субъектов Федерации без сохранения установленного ранее статьей 16 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» единого для всей Российской Федерации перечня льгот привела к сокращению ранее установленных законом видов льгот и компенсаций, а равно объема возмещения в большинстве субъектов Федерации («дотационных»).

При существующей разнице бюджетов регионов страны такой подход не мог гарантировать жертвам политических репрессий соблюдения конституционного принципа их равенства перед законом, закрепленного частью 1 ст. 19 Конституции РФ. Декларативное утверждение о том, что такое перенесение бремени расходов с федерального бюджета на региональные не должно уменьшать размера предусмотренных ранее Законом о реабилитации льгот и компенсаций, не может изменить действительного положения вещей в этой части.

Указанные обстоятельства требуют принятия закона о финансировании льгот и выплат, производимых жертвам политических репрессий, в порядке выполнения Закона о реабилитации, за счет средств федерального бюджета.

4. Конечно, такой возврат к федеральному финансовому обеспечению реализации Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» мог бы содержать в

себе разумные элементы осуществленной в последние годы монетизации прежних льгот. Однако это не может касаться таких льгот, как ежегодный бесплатный проезд на ж.д. транспорте по территории РФ, пересчет которой в усредненное денежное выражение совершенно бессмыслен.

Что же касается других льгот, то их монетизация должна производиться исходя из следующих принципов.

Размер такой денежной компенсации, исчисленный в денежном выражении, должен соответствовать стоимости предоставления каждой льготы, установленной ст. 16 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Методика расчета размера денежной компенсации, эквивалентного объема и стоимости предоставлявшихся ранее льгот, должна быть разработана и обоснована Правительством РФ, а определенный по ней размер компенсаций должен быть одобрен Государственной Думой.

5. С нашей точки зрения, необходимо при определении размеров денежных компенсаций учитывать изменившуюся экономическую ситуацию. Символический размер выплат, определенный Законом в 1991 году, был связан с обстоятельствами того времени и оговорен в преамбуле: «обеспечение посильной в настоящее время компенсации». Сегодня государство в состоянии сделать компенсационные выплаты не чисто символическими, а более реальными. В первую очередь должны быть увеличены компенсационные выплаты бывшим узникам тюрем и лагерей.

Таковы основные принципы, которым, по нашему мнению, необходимо следовать при разработке предложений об изменении в законодательстве РФ, определяющем правовое положение жертв политических репрессий.

В своей основе они сводятся к следующему:

1. Восстановление в тексте преамбулы Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» упоминания о моральном вреде, причиненном государством в процессе политических репрессий.

2. Отнесение расходов, связанных с возмещением причиненного государством морального и материального ущерба, на счет государственной казны РФ.

3. Обоснованная монетизация ранее предоставлявшихся льгот при соблюдении ее эквивалентности по каждому виду льгот, предоставлявшихся ранее Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» с последующей индексацией в связи с ростом стоимости соответствующей льготной услуги.

4. Сохранение в натуральном виде льгот, пересчет которых в усредненное денежное выражение не может гарантировать их реализацию для всех реабилитированных граждан.

5. Увеличение компенсационных выплат в соответствии с изменившейся экономической ситуацией.

6. Первоочередное увеличение компенсаций бывшим узникам Гулага.

ЕЩЕ ОДИН «РАССТРЕЛЬНЫЙ» АДРЕС В МОСКВЕ

➤ (Начало на с. 11)

7 января 1935
30/001212/оп

УПРАВДЕЛАМИ СОВНАРКОМА СССР Тов. МИРОШНИКОВУ

Верховный Суд СССР просит Вашего распоряжения о переводе в Верховный Суд СССР из авто-базы СНК СССР шофера тов. ЛУК-ЯНОВА Василия Ефимовича.

В свое время тов. Лукьянов на прикрепленной из авто-базы СНК СССР машине обслуживал в течение 2-х лет Верховный Суд СССР, причем ему, как члену партии, поручались оперативные поездки.

В настоящее время Верховный Суд СССР согласно распоряжения СНК СССР закончил строительством специальное помещение для приведения в исполнение приговоров, и для обслуживания этих операций согласно того же постановления получил две специальные автомашины.

Особые условия работы этих машин, необходимость строгой конспирации — требует от нас принять в качестве водителя этих машин вполне надежного, опытного и проверенного товарища — этим требованиям тов. Лук-Янов проверен на работе — вполне отвечает.

О Вашем решении Верховный Суд Союза ССР просит поставить в известность.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР /ВИНОКУРОВ/

Тут возникает некоторая неясность — Винокуров упоминает об имеющихся двух машинах, но месяцем позже отправляет письмо, в котором говорится совершенно иное:

11 февраля 1935 г.
№30/002810

Сов. Секретно

ТРЕСТ МОСКОВСКОГО АВТОРЕМОНТА
УПРАВЛЯЮЩЕМУ ТРЕСТОМ

Верховный Суд Союза ССР просит Вас принять заказ на изготовление автокузова типа «Скорая помощь» на машине «Газ А А», 1934 г. для оперативных целей Верховного Суда СССР по исполнению приговоров.

Кузов должен быть без окон, а задняя часть с широкой 2-х-створчатой дверью, застекленной небольшими стеклами; низ кузова должен быть обит оцинкованным железом и вся внутренняя часть кареты без всяких подвесов и скамей и сидений.

Указанную работу, ввиду отсутствия другой машины, прошу изготовить в самом срочном порядке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР /ВИНОКУРОВ/
УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР /КАССЕЛЬ/

Последний документ, связанный с оборудованием помещения, датирован 11 мая 1935 г. — комендант Верховного суда информирует о получении «для надобностей спец. помещения» четырех пар наручников.

К этому моменту новое «спец. помещение» уже функционировало несколько месяцев. Ниже типичный образчик документации:

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР
№236/с
15 мая 1935

СОВ. СЕКРЕТНО

Московский Областной Суд просит предоставить помещение и автотранспорт на 15-ое мая 1935 г. для приведения в исполнение приговора Спецколлегии Облсуда от 7-8-го мая 1935 г., утвержденного Спецколлегией Верховного Суда РСФСР 10-го мая 1935 г. над осужденными — ГОРШКОВЫМ Степаном Петровичем, ПЯТКИНЫМ Петром Ивановичем, ШУГАЕВЫМ Иваном Герасимовичем и СИМАКОВЫМ Василием Николаевичем.

Зам. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЛСУДА (Никитин)

Сколько лет это помещение «использовалось по назначению» — сказать трудно. Ясно только, что в эпоху «Большого террора» оно использовалось вполне активно. И «пользовались» им уже не только московские суды.

Скорее всего, большую часть расстрелянных здесь составляли осужденные по общеуголовным статьям — ведь политические, как правило, шли через внесудебные органы. Но были здесь расстрелы и по 58-й.

Сов.секретно

Управляющему делами Верховного Суда Союза ССР

Отделение Смоленского областного суда по делам Вязьмлага НКВД просит предоставить транспортные средства для выполнения приговора. — в 10 ч веч. 4/1—38 г.

Председатель отделения Смоленского Областного суда по делам Вязьмлага НКВД /ШАДРИН/

АКТ

1938 года 4 января мною, председателем отделения Смоленского областного суда по делам Вязьмлага НКВД Шадриным Н.И. в присутствии Коменданта Верховного Суда т. Кушина приведен в исполнение приговор отделения Смоленского Областного суда по делам Вязьмлага НКВД над осужденным — НАЗАРОВЫМ Петром Ивановичем к расстрелу на основании ст. 58/7 УК.

Приговор приведен в исполнение «4» января 1938 года в 21 час. 45 мин.

Подпись
Разумеется, Каланчевская, 43 (ныне здесь размещается Мещанский суд) — не главный адрес расстрелов. Но все же эти документы проливают некоторый свет на сами механизмы казней, на взаимоотношения репрессивных структур. И, конечно, подталкивают к дальнейшим архивным поискам — прежде всего, в архивах судебных органов.

Ян РАЧИНСКИЙ

Международное историко-просветительское, благотворительное
и правозащитное общество «Мемориал»,
«Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством Мемо.Ру
при поддержке Фонда Форда, Агентства США по международному развитию,
Национального фонда поддержки демократии,
Фонда поддержки ИОО

Адрес: 127051 Москва,
Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495) 699-1180
Тел. редакции: (495) 699-6478
Факс: (495) 609-0694
E-mail: gazeta@memo.ru

В подготовке номера
принимали участие:
А.Ю. Даниэль, А.Г. Козлова,
Н.Г. Охотин, Я.З. Рачинский,
А.Б. Рогинский

Главный редактор Г.С. Шведов
Ответственный секретарь, выпускающий редактор Е.Д. Ясь
Литературный редактор В.М. Герлин
Корректоры Г.В. Заславская, М.С. Святославская
Верстальщик С.Г. Вашенко

ГАЗЕТА «30 ОКТЯБРЯ» ЗАРЕГИСТРИРОВАНА В МИНИСТЕРСТВЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ И СРЕДСТВ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ.
Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. Газета выходит раз в месяц. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна
Апрель 2007. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 7000 экз. Распространяется бесплатно